

A movie poster featuring a man and a woman in a gothic setting. The man, with long blonde hair and a dark, ornate jacket, stands behind the woman. The woman has long, wavy brown hair and is wearing a white blouse with a red skirt. They are in a room with large, arched windows looking out onto a night sky with a full moon and stars. A candelabra with lit candles is visible on the right. The title is in Russian, and the background is filled with golden sparkles.

ЕВГЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВА

РАЗВОД
по-драконьи
НОВЫЙ БРАК
ПО МОИМ ПРАВИЛАМ

Евгения Александрова

Развод по-драконьи. Новый брак по моим правилам

<https://litres.ru/74547649>

Аннотация

— Я готов подписать развод, — произнёс он ледяным голосом.
— Ты свободна. Ага, спасибо. Очень мило. Развод, говорите? Второй раз за две недели? — Нет! Я передумала.

После развода с мужем я пошла к психологу, но перенеслась в мир магии, драконов и дворянских интриг. Чтобы... оказаться в самом эпицентре развода! Опять? Ну уж нет, я не согласна! Властный дракон в порыве гнева от предательства решил разорвать брак, но теперь ему придётся столкнуться с неожиданной заменой жены — на неунывающую и непредсказуемую. Накопленные обиды и невозможность сказать правду превращают наши отношения в напряжённый танец на острие ножа. Я — пытаюсь выжить в чужом и незнакомом мире. Он — защищает своё разбитое сердце. И каждый из нас боится открыться. Сможет генерал-дракон принять перемены, а я — справиться с интригами, чтобы на осколках построить новое счастье? В книге есть: # неунывающая попаданка, смелая и с юмором # властный дракон с разбитым сердцем # откровенные разговоры о чувствах # напряжённые и страстные

взаимоотношения # харизматичный соперник главного героя #
драконы и магия, основанная на крови

Содержание

Глава 1. А что если всё переиграть?	5
Глава 2. Развод это искусство	15
Глава 3. Жена моего мужа	25
Глава 4. Дела на фронте	38
Глава 5. Потанцуем?	52
Глава 6. Ненавидишь или хочешь?	63
Глава 7. А вы точно не психолог?	71
Глава 8. Кто он?	82
Глава 9. В которой я голая	91
Глава 10. Слишком красивая катастрофа	101
Глава 11. Всю правду	114
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Глава 1. А что если всё переиграть?

— Значит, хотите разобраться, почему у вас не складываются отношения?

Напротив скрипнул креслом тучный мужчина с аккуратной седой бородкой.

При мысли о бывшем муже — который не только разорвал наши отношения, но и после развода, две недели назад, продолжал вести себя как последний... скажем мягко, чудак — вновь подступил ком к горлу.

В памяти тут же всплыло его:

— Да я вообще на тебе женился, потому что мать твоя достала, — сказал он тогда, хмыкнув, — а так оно мне и даром не надо было.

— То есть шесть лет — просто... для мамы? — уточнила я тогда, всё ещё надеясь, что ослышалась.

— Ой, не делай драму, Диан. Когда вещи заберешь? Достало держать эти коробки.

Всё снова пошло не так, как я мечтала: ни большой крепкой семьи, ни понимающего человека рядом — только осколки разбитого сердца и огромное разочарование, которое ни в шкаф, ни в эти злосчастные коробки не спрячешь.

Не то чтобы я всерьёз считала себя неудачницей...

Мне тридцать три, выгляжу обычно, иногда бегаю по утрам, редактирую тексты и даже шучу неплохо. Чего ещё,

скажите, не хватает?

— Да. Хочу разобраться, — кивнула я, стараясь не дёргать рукав персикового свитера. Телефон перевернула экраном вниз — иначе рука сама тянется проверять уведомления. Дурацкая привычка. — Хочется найти причину. Или хотя бы понять, что со мной не так, — добавила я, скрестив ноги в оверсайз-джинсах.

Коротко я поведала о своих любовных неудачах. Про шесть лет отношений, которые закончились холодной постелью и одинокой квартирой. Рассказала, как в детстве пыталась помирить родителей.

Маленькая я думала: если буду очень хорошей дочкой, всё снова станет как в сказке.

Не стало. И теперь моя семья — просто продолжение той старой истории, разве что актёры в ней новые. От этой мысли стало жалко себя до нелепости, и я мысленно взмолилась: ну где там кнопка «спасибо, хватит, лимит слёз на неделю исчерпан»?

Завтра важный созвон по новому проекту, а я уже похожа на человека, который всю ночь смотрел турецкие сериалы.

Стало тихо в этом полупустом зале, пахнущем полыньёй, ладаном. Аромат витал густой, и я всё надеялась на что-то душевное и уютное на сегодняшней сессии у психолога: мягкий голос, немного эмпатии и фразу вроде: «Ах, какая вы хорошая и замечательная, просто ваш мужчина ещё не попался».

Но похоже, не сегодня.

— Сертифицированный мастер системных расстановок по Хеллингеру, с элементами телесной терапии и уважением к информационному полю, — абсолютно непонятно представился психолог ещё при встрече.

Звучало это так, будто он способен вычислить родовую карму по взгляду и скорректировать личную жизнь нажатием на лопатки.

— Диана, вы готовы почувствовать ваш запрос телом? — спросил он серьёзно, как будто речь шла не о моей личной жизни, а о расчете.

Вот честно — нет. Не готова. Я вообще не планировала здесь... телом. Я, как приличная взрослая женщина, хотела просто поговорить, немного поплакать про “почему опять не сложилось”, пожалеть себя и вернуться домой есть мороженое, в третий раз удаляя анкету с сайта знакомств.

Они вообще — филиал ада, если кто сомневается.

Но подруга говорила, что её другая подруга после подобного одного сеанса расстановок вышла замуж, сменила профессию и похудела на шесть килограмм. Или сначала сменила профессию, а потом — вышла замуж за своего нового босса?

Не суть. Звучит как сюжет ромкома, но всё же — я и сама теперь здесь. Потому что надежда — это весьма вредная, но живучая тварь.

Всего один сеанс. Расстановки, которые разложат всё по

полочкам, пересоберут моё внутреннее «я» и, может быть, наконец освободят место для счастья.

— Ну... — я выдохнула, чувствуя, как предательски потеют ладони, и неуверенно улыбнулась. — Да, наверное, надо попробовать.

— Прекрасно.

Психолог — то есть, простите, сертифицированный мастер расстановок с уважением к полю — хлопнул в ладоши, и, словно по волшебному зову, из-за ширмы вышла ассистентка с какой-то папкой в руках и пригласила в зал незнакомых мне людей.

— Итак, вы... вот вы, да, будете мамой. А вы — бывшим партнёром. Вы — из рода по материнской линии, — распределял он быстро, уверенно, ничего не объясняя.

Я стояла на месте и смотрела, как совершенно незнакомые люди без вопросов, встают в круг: пожилой мужчина в вязаном жилете с седой бородой; девушка с татуировкой на плече; женщина лет шестидесяти с прямой спиной.

И выглядело это всё, мягко говоря, весьма... странно. Но уровень странности был не настолько высок, чтобы сбежать, поэтому я сделала глубокий вдох, перекинула через плечо распущенные волосы и попыталась поверить в расстановочного чудотворца.

— Встаньте в центр, — сказал психолог-расстановщик.

И сначала всё было почти нормально. Насколько это возможно, когда ты стоишь в кругу среди незнакомцев, один из

которых — тот самый пожилой мужчина — изображает твою маму.

Вспомнив серьёзное выражение его небритого лица, я с трудом подавила нервное хихиканье, но всё же стёрла улыбку.

Мама — так мама! Хоть горшком назови...

— Закройте глаза.

Я исполнила команду, даже старательно пыталась чувствовать. Ну... хоть что-нибудь. Пол, например. Или воздух. Или что там обычно люди чувствуют в моменты, когда они становятся частью коллективного бессознательного?

Но в то мгновение, как мои ресницы сомкнулись, голос расстановщика вдруг изменился. Стал... глубже. Ниже.

И пробрал до мурашек.

— Да, она исключённая, — негромко сказал расстановщик. — Из женского рода, прабабушка, о которой пожелали забыть..

И в тот же миг я вздрогнула.

Кто-то рядом со мной шумно выдохнул, кто-то сдвинулся. Сначала один, потом другой. Шаги были лёгкие, почти бесшумные. Но почему-то я слышала каждый из них так отчётливо, будто стояла в пустом храме, где звук отражается от стен и возвращается к тебе изменённым.

Что происходит вообще? Уже пора объяснять!

Это глубокий гипноз, да? Меня отправили в прошлое моей прабабушки, чтобы я что-то осознала и вернулась в ре-

альный мир с озарением, что неправильно жила?

Идея была самая рациональная, и, чтобы утвердиться в этой мысли, я попробовала открыть глаза. Но веки не слушались — будто кто-то держал их снаружи. Да и, если честно, я не была уверена, что вообще хочу видеть, потому что напряжение в теле становилось всё отчётливее.

И вот, когда глаза наконец приоткрылись — с трудом, словно я спала в автобусе и проснулась не там, где рассчитывала, — я сразу поняла, что всё.

Всё вообще не то!

Всё всерьёз.

Во-первых, никто больше не изображал мою маму.

Во-вторых, я не стояла в кругу.

И уж точно — не в том уютном зале с полыньёю.

Передо мной возвышался стул, больше похожий на трон. Не бутафория из театрального реквизита, а тяжёлый, с резьбой, позолотой и намёком: на этом сидят те, кто решает судьбы, а не позирует для фото.

А вокруг — люди. Много. Все при параде: шёлк, мантии, драгоценные камни, приглушённые кашли и тишина, от которой у меня волосы на затылке поднялись дыбом. Все смотрели на меня. Смотрели так, будто именно я — главная причина их собрания.

Я это почувствовала так же отчётливо, как странную тяжесть на левой руке.

Посмотрела вниз.

Ну да, конечно.

Платье.

Длинное. Шикарное.

Совсем не моё. Декольте слишком смелое для меня, но явно привычное для кого-то другого. Тем более, этому “кому-то” было, что показать. А главное — кольцо. С камнем. На безымянном пальце. Без вариантов — обручальное.

Я даже не успела осознать масштаб катастрофы, потому что меня с первой же секунды накрыло чувство, будто я опоздала на собственную свадьбу. Только вот жених не ждал с цветами у загса.

Он сидел на троне.

Мужчина с ледяным прищуром в светло-зелёных глазах, с короткими серебристыми волосами, которые в нормальном мире портят даже самых красивых, но ему — только в плюс.

Статный, собранный, с широкой грудью и военной выправкой, в тёмных кожаных перчатках даже внутри помещения... в лице ни одной мягкой линии, ни капли уступчивости — и всё же в этом было притяжение, от которого не отвести взгляда.

Только вот смотрел он так, будто не только видел меня насквозь, но ещё и заранее разочаровался в том, что увидел.

Свечи мерцали, шелест мантии катился по залу, и всё это выглядело красиво, торжественно — и абсолютно не моим.

— Я готов подписать развод, — произнёс он, не моргнув, с ледяным достоинством. — Ты свободна.

Ага, спасибо. Очень мило.

Развод, говорите? Второй раз за две недели?

Я застыла в этом платье, среди чужих людей и свечей, и чувствовала себя так, будто меня списывают со счетов при полном зале свидетелей. А он — холодный, загадочный — смотрит на меня так, будто я вообще случайная ошибка.

— Что ж, если вы оба согласны... — начал какой-то мужчина в парике.

И вдруг стало до дрожи ясно: ну нет, в этот раз я не хочу быть ошибкой. Не хочу, чтобы меня снова вычеркивали! Даже в этом странном мире.

Может быть, это как раз мой шанс всё переиграть?

— Виана эн Фирд, вы согласны? — уточнили со стороны.

— Нет! — ответила я прежде, чем это осознала. — Я передумала.

Знакомьтесь, Сайрен эн Фирд. Новый герой этой горячей истории :)

Добро пожаловать в мир драконов!

Добавляйте книгу в библиотеку, чтобы не потерять, а нас ждут эмоциональные приключения на острие лезвия, страсти, любовь и щепотка юмора)

Глава 2. Развод это искусство

— Это что, шутка? — хмурая бровь мужчины поднялась так царственно, что я залюбовалась.

— Нет, ваше величество, — я продолжала нести бред, обращаясь к мужчине на троне, но и поверить, что всё происходит всерьёз, было невозможно. — Я серьёзно!

Как они вообще так быстро умудрились сменить декорации... и мой наряд... и мои руки? Ах да, точно. Гипноз. Или, в худшем случае, оознанное сновидение.

Я посмотрела на другого мужчину в парике, тоже явно играющего роль знатного господина. Тот сдавленно усмехнулся, словно именно такого поведения от меня и ждал.

Вот, вот! Я так и знала, что это актёры из местного театра. Наверняка ещё не все умеют так хорошо входить в роль, как мой... царственный муж. Он прям хорош.

Смотришь и думаешь, что жаль — это всё не по-настоящему.

— Что же, ваша светлость, господин Сайрен эн Фирд — обратился к моему мужу этот мужчина в длинной мантии, поднимаясь из-за стола, заваленного бумагами и с самой настоящей чернильницей. — Вынужден сообщить, что в таком случае я не могу прямо сейчас расторгнуть ваш союз.

Мой муж, которого, как оказалось, звали как настоящего принца — изящно щелкнул пальцами, и наблюдая за мной с

ленивой грацией хищника, думающего, как бы максимально быстро и эффективно убить свою добычу.

— Я всё же хотел бы прекратить этот спектакль немедленно, герр Клаусен.

— Увы, — мужчина принялся собирать бумаги на столе в плотную стопку. — Закон есть закон. Если при расторжении брака одна из сторон выражает явное несогласие, то мы, согласно законам нашего королевства, обязаны оставить обоих на испытательном сроке длиной в... — он полистал бумаги так, словно забыл точные цифры, — да, на один месяц. Я понимаю, звучит как издевательство. Но есть формальности. Есть закон. Когда наступит новолуние, можете прийти снова, ваша светлость, и мы оформим бумаги заново.

Мой муж, оперевшись ладонями о подлокотники трона, резко встал и выпрямился во весь рост. Честно слово, я так любовалась его движениями, что даже сейчас хотелось улыбаться. Ну очень хорош!

Я чувствовала себя как режиссер в сцене из “Иван Васильевич меняет профессию: “Боже, какой типаж! Прошу Вас, продолжайте. Гениально! Я не узнаю вас в гриме!”

Наверное, моя улыбка мужу показалась издевательской, потому что выражение его лица быстро сменилось на самое мрачное и обещающее что-то явно нехорошее.

— Стоило ждать, Виана, — этот Сайрен улыбнулся такой улыбкой, от которой всё мгновенно застыло, а сердце и вовсе превратилось в сосульку. Честное слово, лучше бы оставался

мрачным. И что ещё за “Виана”? — Ты осталась себе верна. Как же не поиздеваться напоследок? Не знал, что женился на настоящей ведьме.

— Вот как, — я перестала улыбаться, входя в роль. Ей-богу, это уже прозвучало обидно. — Так может быть, ваша светлость муж, этому есть причина?

— Определенно есть, — взгляд его готов был пригвоздить меня к стене. — Я слишком охотно верил твоим словам.

Он спустился со своего возвышения и оказался прямо передо мной, выше на голову, не то, чтобы мощный, но... какой-то неуловимо жёсткий, будто крепость мышц проглядывала даже под плотной тканью камзола.

Муж коснулся пальцами, закованными в кожу, подбородка, приподнимая моё лицо к себе. Судя по всему происходящему, “мы” в самой неприятной стадии развода — когда надежда на адекватное поведение друг друга иссякла, и каждый из нас охотно демонстрирует свои самые темные и безжалостные стороны личности.

Да, “я”, судя по всему, в этом представлении далеко не ангел. Но и он... Едва ли благородный рыцарь, готовый при разводе оставить всё имущество и не вступать в споры по поводу того, кому должна достаться кровать из массива дуба, а кому — самая дорогая сковорода.

Я хотела яростно выдохнуть и ударить его по перчатке, нагло поддевшей за подбородок, но неожиданно для себя замерла, глядя в глаза напротив.

Сайрен эн Фирд был не просто красив. Что-то древнее полыхнуло в его зрачках, такое необъяснимое, пугающее, мощное, что дрожь пробежала от кончиков волос до коленей.

— Что ты делаешь, — процедила я из последних сил.

Играть спектакль резко перехотелось. И вовсе не потому, что мне разонравилась эта роль. Пожалуй, приятное царственное платье, дорогая ткань, этот мужчина — всё выглядело весьма соблазнительно и ярко, чтобы от этого так легко отказаться. Мне даже понравилась бы эта игра, если бы не...

То, что всё перестало казаться шуткой. Взгляд Сайрена резанул болью, и вовсе неподдельной. Такое не сыграть. Я видела свои глаза в зеркале, когда муж — мой настоящий бывший муж — сказал, что всё кончено. Что к этому шло, что я больше не вдохновляю его и не соответствую желаниям, что нет больше любви ко мне и тепла.

Что-то важное тогда умерло в моём сердце, и в пустых глазах, смотрящих из зеркала, вполне красивых, подведенных чёрным, с пушистыми, изогнутыми ресницами, смотрела некрасивая бездонная пустота.

Я плакала тогда всю ночь, сидя на осколках разбитой жизни, прямо на острых гранях расколотого, как блюдце, брака, а утром пыталась привести себя в порядок, умылась, причесалась, собралась на рабочую встречу, посмотрела в зеркало перед выходом, — а там оно.

Мёртвое чудовище с моими глазами, но с такой чёрной

дырой в глубине, что смотреть просто страшно. Казалось, ещё немного — и она засосёт меня в бесконечную пустоту.

— Отпусти, — прошептала я едва слышно, пытаясь избежать его взгляда.

Неужели это я — *вот эта ненастоящая я* — тому виной?

Честное слово, тяжело представить, что могло привести к такой боли?

— Я *уж* тебя отпустил, Виана. — Муж убрал руку, и на месте касания его пальцев по щеке пробежал холод. — Теперь твоя очередь — отпустить меня.

Ох. Да. Это было сильно. Даже... до мурашек пробрало.

Я растерялась, замерла на месте, не зная, что ответить. Что там полагается по моей роли в этой чужой судьбе?

И почему-то единственное, что у меня вырвалось, это:

— Прости.

Наш “милый” разговор прервал голос того же юриста, который вёл бракоразводный процесс:

— Итак, герцог и герцогиня эн Фирд, за сим позвольте мне откланяться. Вынужден оставить вас на месяц для того, чтобы вы могли обдумать ваше решение. Если позволите, настоятельно рекомендую посетить служителя церкви Изначального Пламени, старого господина Ольвара, он...

— Мне не о чём больше думать, — отрезал мой супруг, замирая передо мной, сложив руки за спиной.

— А мне — есть о чём, — моему невесть откуда взявшемуся упрямству сейчас позавидовали бы партизаны. — И я прошу тебя остыть и дать нам обоим это время.

Сайрен приподнял голову, чуть ли не возведя глаза к потолку, но сдержался от ярко выраженного жеста пренебрежения и только заметно сглотнул, отчего дёрнулся кадык.

Кажется, он не находил достаточно цензурных слов, а в меня, судя по всему, вселился демон противоречия. Или просто я не готова второй раз подряд проходить через унижительный процесс с мужем, который пытается выставить меня монстром.

Нет уж. Пусть этот “герцог” познает всю степень моей адекватности.

Всю!

— Герр Клаусен, спасибо, что так чутко реагируете на наши просьбы, — я едва не присела в реверансе.

— О, ваша светлость. Хороший развод — это настоя-

щее искусство, поверьте, я знаю в этом толк, — проговорил юрист назидательно и с явной гордостью за то дело, которое он делает. — Поэтому я всегда, как вы знаете, трепетно соблюдаю закон и с большим уважением отношусь к тем, кто точно так же следит за исполнением воли короля, записанной в этих бумагах.

— Безмерно ценим, — я вежливо склонила голову.

Муж проводил мой жест говорящим взглядом, но снова промолчал.

— Итак... — начало была я, но запнулась.

И что теперь? Спросить, каков дальнейший сценарий пьесы? Разойтись по домам? Но где теперь мой дом... и как выбраться из столь глубокого гипноза, в котором всё кажется самым что ни на есть настоящим? Как кадык моего мужа и щетина на его подбородке.

— Полагаю, вам стоит вернуться в ваш особняк, провести пару... десятков вечеров наедине, слушая шум морского прибоя, разобраться во взаимных претензиях и, быть может, через месяц я вам вовсе не понадобится.

— Понадобитесь, — сухо проговорил муж.

— Не понадобится, — почти одновременно отозвалась я.

— Вижу, вы уже делаете первые шаги к примирению, — улыбнулся в бороду юрист и забрал свои бумаги. — Что же, вы знаете, где меня найти. Пока сообщу его величеству, что вы взяли паузу обдумать обстоятельства и не торопитесь рубить с плеча. Как вы знаете, это обычно прерогатива коро-

лей. Рубить с плеч, хе-хе, — весьма довольный своей шуткой юрист поклонился и вышел из зала.

Мы остались одни, я огляделась и неловко повела плечами.

— Что же... Может быть, он прав.

— Не рубить с плеча? — вскинул брови муж так, что мне снова стало не по себе.

Особенно, когда он подкрепил свои слова коротким, но выразительным жестом, проведя сомкнутыми пальцами поперек шеи.

Я поперхнулась. Это ведь не намёк, что он готов лично перерезать мне горло? И во что я, скажите мне на милость, ввязалась?

— И это тоже, — взяла я себя в руки. — Пожалуйста, давай вернёмся в наш... особняк. Мне нужно некоторое время побыть в тишине и покое, я чувствую, что переволновалась. Голова кружится.

В конце концов, в особняках на берегу моря я ещё не жила. И это звучит куда заманчивей, чем возвращаться сейчас в свою потрепанную квартирку-студию на окраине Питера в конце ноября.

Хочется посмотреть, на что ещё способны эти ваши системные расстановки. Пока графика здесь куда круче, чем в самых современных играх. Кажется, мой мозг способен воссоздавать мир, который совсем как настоящий.

Ведь не смогут ли меня здесь по-настоящему и... убить?

Глава 3. Жена моего мужа

Я замерла в “своей” комнате, в особняке, куда мы приехали... в самой настоящей карете! Запряженной лошадьми, с вензелями и гербами, и даже люди расступались на улицах так, словно мы тут почти короли.

Ну, герцоги — это же всего на ступень ниже. И если всё это хоть как-то связано с жизнью моей прабабушки, то... мы, кажется, очень её недооценивали. Вернее, мы вообще ничего о ней не знали. Да кто вообще знает про своих прабабушек? Хорошо, если хоть что-то помнят про ближайших предков, а дальше уже сплошной туман.

Когда меня учтиво проводили до моей комнаты, я осторожно вошла внутрь и осмотрелась. Платье душило тугими завязками, но я осталась посреди комнаты, пока одна из служанок, маленькая худенькая девушка, не сунула нос с предложением помочь. Я отказалась.

Пожалуй, здесь мне уже никто не поможет.

Если в зале “суда” я ещё строила надежды, что всё это большой и весьма качественный спектакль, в котором мне выделил роль чудотворец-психолог-системный-расстановщик, то теперь лавиной накрыло осознание, что... это всё всерьёз. По-настоящему. И никто не будет ради моей личной жизни выстраивать целый чёртов мир.

— Не-воз-мож-но! — выдохнула я в потолок, украшен-

ный резьбой. — Это бред! Полный бред...

Упав на постель на живот, я подгрехала под себя одну из кучи декоративных подушечек, сжала руками, уложила на неё подбородок и уставилась на свои новые покои.

Из приоткрытого окна мягко проникал бриз, наполненный влагой океана, раскинувшегося за окнами. Яркий солнечный свет бликовал на далёких волнах. Казалось, я переместилась в один из залов Эрмитажа и теперь возлегаю на подушках, точно Екатерина Великая, и туалетный столик и изящные спинки стульев бликуют золотом.

“Армянский ампир” — обычно называл подобный интерьер мой муж.

Только есть ли тут вообще Армения? Хотелось подумать, что меня напоили чем-то дурманящим и перевезли в другую страну, но, давайте честно, никто не будет устраивать такую авантюру ради какой-то среднестатистической меня, Дианы Леоновой из-под Питера.

Я уже собиралась навсегда остаться в состоянии «просто лежу и сделаю вид, что меня тут нет», когда заметила: из ящика прикроватного столика торчит уголок бумаги. Я подползла на локтях и вытащила его, чтобы не портил общий интерьер. Не ожидая ничего интересного, перевернула небольшой листок и увидела кособокие, явно торопливо написанные строки.

Почерк был красивый, но тот, кто писал послание, спешил.

Сначала мне показалось, будто эти закорючки вовсе не похожи на хоть какой-то знакомый мне язык, я несколько раз поморгала, и вдруг строки превратились во внятные... слова.

Я не знаю, кто ты будешь. Но знаю, что тебе будет несладко. Однако, и жить здесь в этих условиях я более не могу, и мне нужен кто-то, кто исполнит эту роль за меня. Обратно не повернуть, прощай! Магия Первого Древа сильна, и вскоре я обрету свободу и от опостылевшего этого дома, и от всего, что сделало мою жизнь несчастной.

П.С. Не вздумай обращаться к своей драконьей силе, если хочешь остаться в живых.

Впрочем, дело за тобой, мне всё равно.

Первые мгновения я смотрела на письмо как на что-то, не имеющее ко мне никакого отношения. Что за несчастная страдалица? Что за драконья сила? Причём здесь я?

Но ответ пришёл сам собой. Кажется, расстановки призывали довериться ощущениям в теле, и вот сейчас мне не было нужды спрашивать кого-то ещё. Это письмо здесь для меня.

И настоящая Виана эн Фирд – это и есть автор письма. Эта женщина...

Жена моего мужа. Та, которая испортила, судя по всему, не только свою жизнь, но и Сайрена, и мою, и вот теперь...

ушла в другой мир? Призвала сюда меня, чтобы я сыграла роль двойника?! А сама трусливо сбежала, прикрываясь тем, что все вокруг виноваты. Хорошая же герцогиня!

“Обратно не повернуть, прощай”.

Чудно. Просто чудесно. Но одна мысль медленно, как яд, растекалась внутри. Так значит ли это, что оно вот так... навсегда?

Тело стало тяжёлым и чужим, дыхание сбилось. Хотелось перестать дышать, закрыть глаза — и снова открыть их дома. И хотелось бы задаться вопросом, почему, почему именно я, но я вдруг поняла, что даже не знаю, осталось ли от прежней меня хоть что-то — кроме воспоминаний.

Я подняла руку, чтобы разглядеть поближе. Тонкие пальцы, ногти безупречной формы, кольцо с камнем величиной с вишню — всё выглядело так, будто я родилась не для клавиатуры, а для медленных, выверенных жестов под звуки вальса.

Пальцы коснулись волос — гладких, густых, чуть выющихся. Они упали на плечи, щекоча кожу, и я почувствовала, что ключицы стали острее, талия — уже, а в груди... ну, скажем так, изменения тоже налицо.

Я не успела рассмотреть своё лицо в зеркале. Вернее, не хотела. Это слишком... слишком странно! В полировке туалетного столика мелькнуло что-то светлое, и чужие черты сложились в ясное ощущение: это не я. Совсем не я.

— Ваша светлость, герцог уже ожидает вас в гостиной, —

заглянула та же служанка, и голос её прозвучал испуганно.

Значит, тут все уже на иголках?

Я вздохнула, но решила не спорить. Поднялась, как марионетка, которую дёрнули за ниточки, и последовала за служанкой. Царственно кивнула даже, хотя внутри царственности не прибавилось ни на грамм. Но девчушка скользнула в сторону, поклонившись и оставила одну, ускользнув по своим делам. Конечно, я ведь должна знать, куда идти?

После того как служанка скользнула прочь, я поняла, что заблудилась: вверх поднималась как во сне — а вот только теперь очнулась.

Я открывала двери наугад, заглядывала в комнаты — то в кабинет с окнами на сад, то в тёмный зал. Наконец я сообразила, где гостина: широкая лестница плавно привела вниз в комнату, которая смотрела окнами на океан и простор.

Прислуга двигалась почти неслышно, будто боялась потревожить воздух. Каждое движение — на цыпочках, каждое слово — вполголоса.

В особняке, очевидно, привыкли к тишине, за которой скрываются не мир и покой, а ожидание грозы.

Обед был накрыт на двоих. Относительно небольшой стол для такого дома, но со всей возможной изысканностью: серебро, хрусталь, тонкий фарфор.

Сайрен уже сидел на своём месте напротив окна. Закатное солнце золотило лицо мужа, заставляя чуть щуриться, и его глаза, казалось, горели огнём. Казалось, Сайрен измеряет, сколько ещё я могу себе позволить. На руках — снова чёрные кожаные перчатки, скрывающие ладони. Он что, никогда их не снимает?

Может, и спит в них?

Он дождался, пока я займу свое место, и после небольшого молчания заговорил:

— За последние недели ты умудрилась окончательно испортить отношения с моим братом, — начал он спокойно,

разрезав ножом мясо. — С его женой. С адъютантом его величества. И, разумеется, со мной.

— Угу. Многозадачность — моё всё, — пробормотала я себе под нос, но внутри неприятно кольнуло.

— Ты поставила меня в неловкое положение перед советом, — продолжил он, будто я его не перебивала и он этого не слышал. — Вопрос твоей выходки всё ещё обсуждают.

Тишина, упавшая после этих слов, была выразительная. Даже слуги замерли. Я почувствовала, как у меня неприятно свело живот, хотя сама я этого преступления не совершала. Оно принадлежало той, чьё место я теперь заняла.

Впрочем, как объяснить, что я — не я? Сказать: *извините, господин герцог, я случайно переселилась в вашу жену?*

Отличный способ закончить трапезу в темнице.

Я осторожно съела кусочек аппетитно пахнущего ростбифа, который заботливо положил слуга, а потом сделала глоток тёплого морса с пряностями из бокала. Сайрен не смотрел на меня, будто обдумывал, как теперь поступить.

Вопросов он пока не задавал, и я делала вид, что глубоко погрузилась в мысли.

И тянула время, пытаясь осторожно выяснить, что ещё я не знаю о себе, этом мире, своем супруге и обстановке дел.

— Я, разумеется, не удивлен, что ты узнала о моих планах на развод и решила испортить жизнь всем ещё больше, — он отвернулся и взглянул на садящееся за океан солнце. — Но хочу тебя предупредить, Виана. Это последнее, что ты

умудрилась сделать безнаказанно.

— И что... что ты собираешься теперь сделать? — я старалась держаться как можно уверенней, хотя уверенности было ни на грамм.

Какую судьбу можно ожидать той, которая вовсе не герцогиня, если он готов и настоящую герцогиню, судя по всему, лишить всякой благосклонности?

— Завтра отец устраивает вечер для близких. Мы приглашены, разумеется. Более того... — он перебрал пальцами в перчатках вилку так, словно мог вот-вот воткнуть её во что-то не по назначению. Его движения завораживали и одновременно вызывали страх. — Лучше пока не вдаваться в подробности наших... разногласий.

— Разногласий? — уточнила я как можно осторожнее.

В ответ последовала лишь кривая усмешка.

— Хорошо. Я постараюсь, — сдержанно ответила я.

Муж бросил вилку, звякнув ей по тарелке, и поднялся, явно незаинтересованный приёмом пищи. Он взял с соседнего столика свёрток и кивком приказал мне подняться и подойти к нему.

— Разверни.

Я послушно и спокойно, насколько это было возможно под его ледяным взглядом, подошла, развернула свёрток и достала оттуда длинное закрытое платье с высоким воротом, в меру пышное, сдержанного тёмно-зелёного цвета.

По привычке приложила его к себе, пытаюсь понять, по-

дойдёт ли оно по росту и цвету, но в этот момент муж шагнул ближе.

Его пальцы в чёрных перчатках перехватили мой подбородок, жёстко, хоть и без боли, впились в щёки — скулы запылились. Одним сильным движением Сайрен развернул меня спиной к себе и заставил смотреть в зеркало на дальней стене.

Меня буквально вынудили встретиться с отражением лицом к лицу.

В отражении на меня смотрела женщина с огромными, нереально яркими глазами и мягкими, но упрямыми линиями губ, которые искривились от хватки мужа. Волосы — тяжёлые, цвета тёплого каштана, в свете свечей отливающие золотом, упали густой волной по плечам.

Я понятия не имела, кто она такая — кроме того, что теперь это моё лицо.

Даже неподвижный, мой муж излучал опасность — и этот взгляд, тяжёлый и немигающий, давал понять, что ни один мой шаг не останется незамеченным.

— Завтра ты должна выглядеть как герцогиня эн Фирд, — жестокие пальцы плотнее впились в щёки до лёгкой боли. — Никаких твоих фривольных, пошлых нарядов. Ты исполнишь свою роль без ошибок, и я оставлю после развода тебе содержание, достаточное, чтобы не помереть с голоду. Смею тебе напомнить, дорогая, что ты — круглая сирота, и после того, что ты сделала, я должен был просто вышвырнуть тебя

за дверь. Но я не люблю скандалы, так что мы с тобой сделаем вид, что на время забыли прошлые обиды, верно?

Давление стало сильнее, и я смогла только сдавленно промычать.

Я смотрела на “моё” чужое лицо и чувствовала, как по коже пробегает злость — горячая, с колючками, точно щетина у новоиспеченного мужа. Итак, та, что была здесь до меня, успела наломать дров, что теперь все последствия сыплются на мою голову. Я упрямо дёрнулась.

Да, может, у меня в прежней жизни и не было особо чего терять — но это была моя жизнь! Мой дом, мой город, мои привычные провалы и маленькие победы.

А тут? Тут меня, судя по взгляду этого ледяного красавца в военном мундире, через месяц могут выставить за ворота в одних трусах. И что мне тогда полагается по местным разводам?

С чем я останусь?

— Мы могли закончить это всё сегодня. Но ты решила поиграть на моих нервах, так что не обессудь, я обойдусь с тобой точно так же. Один месяц ты послушно исполняешь роль моей супруги, а потом...

Муж выпустил меня из хватки, и я прижала пальцы к щекам. Я видела его в мутном зеркале издалека, но даже так увидела на его лице очень даже нехорошую улыбку.

— А потом мы разойдёмся как взрослые серьёзные люди?

— холодно уточнила я, встречаясь с ним взглядом через отражение.

Он не ответил, лишь коротко дёрнул уголком губ и вышел, оставляя теряться в догадках. Гостиная опустела, но мне показалось, что не только он и слуги, а даже стены и картины смотрят на меня с осуждением.

Глава 4. Дела на фронте

Сайрен

— Как дела на западном фронте? — осведомился отец, поддевая мясо кончиком ножа и едва взглянув в мою сторону, как будто между прочим, будто речь шла не о десятках тысяч людей, а о погоде.

Вечерний зал освещали сотни свечей. Их мягкий свет дрожал на хрустальных подвесках и отбрасывал на стены тени, похожие на дыхание огромного зверя. Красиво, спокойно... если не знать, что за этим спокойствием всегда прячется напряжение.

Когда наша семейка эн Фирд в полном сборе — жди беды. Я ответил с лёгким наклоном головы, скользнув взглядом и по отцу, и по матери — её платье с высоким строгим воротом, казалось, мешало даже повернуть шею.

— Закрепились у скал Эларийского залива, мои отряды драконов удерживают западный фланг...

Сразу после моих слов Виана отчего-то страшно побледнела и закашлялась, видимо, подавившись едой. Я подождал, пока она перестанет давиться, и сдержанно продолжил, пока вся семья вежливо делала вид, что ничего не происходит:

— Проблема, как всегда, в снабжении: провизию и подкрепление доставляют медленно, магические каналы неста-

бильны — вероятно, из-за атмосферных сдвигов над Северным хребтом. Если переходы не удастся стабилизировать в ближайшие недели, мы застрянем в режиме ожидания. А это — роскошь, которую в нынешних условиях позволить себе нельзя.

Голос звучал ровно, формулировки были отточены, паузы выверены. Но отец слышал всегда больше, чем сказано. И за словами он, конечно, уловил главное: я мыслями не там, где должен быть.

Половина, если не больше, моего внимания была здесь. На женщине по левую руку, в платье, которое я велел ей надеть.

Когда командующий флотом думает не о фронте, а о том, как именно на него сегодня посмотрела его жена, с которой он собирался развестись, но теперь вынужден держать при себе ещё месяц ради двора — это уже не просто небрежность. Это стратегическая ошибка. И, возможно, роковая.

— Прошу тебя, дорогой. Давай не о войне, хотя бы сейчас, — взмолилась мать, обращая на своего пожилого супруга усталый, но полный тепла и любви взгляд. — Давайте лучше обсудим предстоящий бал в честь венчания моей дорогой племянницы...

Я беззвучно хмыкнул и поджал губы. Война и мир всегда идут рука об руку, и пока где-то погибают люди, где-то важнейшим вопросом становится цвет платья, подходящий к торжеству.

Но мама вежливо, с той самой почти невидимой настой-

чивостью взглянула на отца, и тот смягчился, кивнул и отложил тему фронта. Затем она обвела взглядом всех собравшихся — и речь потекла о совершенно неважных делах, готовя нас всех к явно серьёзному разговору.

Отец не стал бы собирать нас просто пропустить по бокальчику за ужином с танцами и весельем — не в таком составе.

Я отпил глоток обжигающей настойки на перце, второй бокал за вечер. Перчатки надежно хранили тепло ладоней. Они впитали мой жар, сдерживая его, — без них я не рискнул бы сидеть за одним столом даже с семьёй. В роду Фирдов только у меня проявилось это проклятое свойство: любое прикосновение могло оставить ожог.

На этой трапезе у каждого представителя знати с драконьей кровью была своя роль. Казалось бы, общая суть должна нас объединять, но мы были слишком разные.

Я сегодня, увы — глыба льда, суровая и неулыбчивая, у которой даже обычная вежливость выглядит как оскал.

Мой брат Николас, герцог эн Фирд младший — светило, которое слепит всех своим обаянием, победами и четырьмя детьми. Его жена — безупречная тень, идеальная супруга.

Семья Лефер и их дочь, графиня Есения эн Лефер — крепкая опора короны, богатейшие люди в стране, влиятельные, непоколебимые, хоть и меньше всего наделенные способностью принимать крылатый облик.

Есения смотрела на меня изредка тем самым взглядом, в

котором всегда было много серьёзности и здравого смысла. Она почти не изменилась. Разве что стала ещё сдержаннее в жестах, ещё тверже в голосе.

Когда-то она стояла рядом со мной у окна в зале Совета, с перевязанным пальцем после фехтовального спарринга, и с такой лёгкой насмешкой спросила, не считаю ли я глупостью решение короля обучать военному делу девушек из аристократии. Она была полукровкой, но богатство и влияние её отца с лихвой восполняли этот недостаток перед лицами нескончаемых женихов.

Есения не кокетничала, не пыталась нравиться. Умная, спокойная, собранная. Уже много лет назад сидела на собраниях с купцами, знала цену каждому слову. Не строила из себя героиню баллад и не считала, что любовь — это повод для революций. С ней можно было бы прожить жизнь без сюрпризов и с достоинством.

Надо было сразу на ней жениться.

Я сделал ещё большой глоток, от которого наконец повело голову.

Чувствовать рядом присутствие Вианы после всего, что я узнал, было невыносимо. Герцогиня, которой отчего-то нравилось строить из себя жертву, непонятую и недооцененную. Как будто то, что я часто занят на военной службе, — моя ошибка, а не мой священный долг короне. И то, что она сделала... Делала все эти годы...

Я скользнул взглядом по её фигуре в новом платье. Подхо-

дит, конечно. Слишком хорошо. Линия шеи была лишь открыта — не слишком, но достаточно, чтобы напомнить, как когда-то я любил целовать её и чувствовать, как по нежной коже пробегает дрожь.

И сейчас она сидела рядом, как ни в чём не бывало, с этой своей новой и неожиданной маской спокойствия, будто всё в порядке. Будто позавчера не выяснилось, что она лгала мне годами.

— Я хотел бы поговорить с вами о наследии, — перешёл отец к делу без какой-либо промежуточной беседы. Кажется, даже его утомили речи его супруги о балах и светских приёмах. — О наследии всего нашего королевства Драххельм. О том, кому перейдёт трон после смерти короля.

— Смерть короля? — тут же нахмурился мой брат, поджав пальцы. — Отец, мы все желаем ему только долгого и столь же блистательного правления.

— Брось, Николас, этот вопрос давно пора обсудить, через месяц его величество объявит претендентов. И я думаю, что нам незачем больше тянуть. Я бы хотел именно твою кандидатуру подать на роль его преемника, тебя и впоследствии твоих сыновей. У короля нет детей, и, видят боги, уже и не будет, — отец покачал головой. — Но ты ему как родной. И я уверен, мог бы продолжить, то, чему он положил начало. Твой гибкий ум, чуткость, то внимание, которое ты уделяешь государственному делу — ему всё это близко.

— Но мой старший брат... — Николас оглянулся на меня,

делая нахмуренный вид.

Я поморщился. Не то, чтобы рассчитывал в ближайшее время сесть на трон, но когда-то король намекал мне о такой возможности. Мол, блестящий военачальник и стратег, хоть и с непростым характером. Есть нюансы, да.

Но стоило помнить, что король вообще был из тех людей, которые не скупились на похвалы. И все вокруг него были чрезвычайно чудесными, талантливыми и мудрыми людьми — когда это было выгодно.

До тех пор, пока они не шли против воли его величества и не лишались своей, разумеется, распрекрасной, головы.

Однако тот факт, что король может объявить младшего герцога эн Фирда будущим преемником в обход старшего — уже звучало как оскорбление. И я прекрасно знал, почему отец сделал такой выбор: боги не дали детей королю, как и мне, но щедро одарили Николаса.

Сам он вовсе не имел права на трон — он не был кровным родственником и наследником, всего лишь муж герцогини, родной сестры короля, но с хваткой настоящего дельца. Логично делать ставку на того, кто доказал, что сможет продолжить род. Иначе, как известно, ждать новых распрей и борьбы за наследство, а то и гражданской войны, что случилась полвека назад.

Ну и заодно лишний раз уколоть меня за мой выбор жены, которую не одобрил ни он, ни мать.

— Мой брат — достойнейший претендент. — Я улыбнулся, чувствуя, как драконья сущность внутри клокочет и жаждёт что-нибудь сжечь.

Много лет мне удавалось держать этого зверя на коротком поводке, но последние дни всё летело в бездну. Я сделал медленный, очень медленный вдох.

И перевёл взгляд на Виану эн Фирд, мою любовь и проклятие.

О да. Я хотел быть с ней. Всерьёз. Даже теперь это звучит глупо. Но я был молод — как раз настолько, чтобы поссориться с отцом, перечеркнуть долг, плюнуть на совет рода, который с юношества сватал мне равную по статусу графиню Есению. Но я же был мальчишка, который увидел в Виане свободу и ветер. Протест.

Она рано осталась сиротой, чудом прибилась ко двору. Была без титула, без приданого, без какой-либо легенды за спиной. Зато с языком острее любого клинка. С огромными глазами, в которых можно было утонуть. И я, разумеется, утонул.

А потом — всё пошло медленно и мучительно вниз. Она не хотела быть достойной своего титула герцогиней, грубила и говорила, что вздумает, а я — не знал, как быть кем-то другим. Ждал, что она научится всё же держать спину и язык за зубами. И мы оба в итоге оказались чужими.

Но я бы многое был готов понять. Клянусь, я бы понял! Потому что в какой-то из этих ледяных дней она могла бы

всё же повернуться ко мне по-настоящему, могла бы сказать: «Сайрен, подожди. Я пока не готова к ребёнку. Мне страшно. Мне нужно время». И я бы понял. Или хотя бы попытался.

Но нет. Она предпочла тайком лгать, много лет водить меня за нос — и принимать зелье, которое не позволило бы иметь детей, и пила его месяцами, годами.

Я был готов искать знахарей. Взывать к богам. А она просто обвиняла во всём мою дурную кровь, подмешивала зелье в чай и выходила в сад подышать свежим воздухом.

Мой мир треснул с таким грохотом, что его не могли заглушить ни выпивка, ни сталь тренировок. И я подал на развод, чтобы закончить этот нелепый, унижительный брак.

Иначе не мог — иначе бы я сошёл с ума, если бы ещё ночь оставался в одной постели с этой женщиной. Даже говорить с ней не мог. Да и разве она станет, хоть раз заговорит со мной честно?

Снова уйдет, солжет, выкрутит всё так, что она святая. Она ведь сама, глядя прямо в глаза, твердила, что дело во мне. И медленно, капля за каплей, разрушала изнутри.

Всё, во что я верил, оказалось ложью.

И вот я — старший брат и наследник рода эн Фирд — уступил младшему брату, у которого было четверо сыновей. И главное, идиот, успел поверить, что всё из-за меня. Что это моё тело не даёт продолжения роду.

Что меня наказали. Боги. Карма. Старое проклятье.

...Я выдохнул и вернулся к теме обсуждения за столом. Да, мой младший брат — новая надежда королевства.

Пусть так.

— ...Да, да, я тоже так думаю! Это будет прекрасно, — энергично поддержала выбор отца мать и обратилась ко мне. — Знаешь, Сайрен, я радуюсь за вас обоих, за вашего брата и вас. Как мило, что вы с Вианой решили вашу ссору, — сладко выдохнула она, показательно любуясь нашей парой, и я понял, что упустил момент, когда решила нацелить свой удар на меня. Мать ненавидела Виану, но умело делала вид, что приняла мой выбор. — И вот мы снова собрались как в старые времена, тесным, уютным кругом, — губы её, чуть тронутые временем, украсила доброжелательная улыбка.

Я бросил взгляд на жену. Она, разумеется, молчала. Улыбалась так, будто с нами всё в порядке. От запаха духов Вианы у меня и без того сжимались пальцы. А от её взгляда — тянуло в драконью форму, чтобы ревом разбросать всю эту позолоту к демонам.

— Да, вы правы, — отозвался я, снова взяв бокал. Настоялка лизнула нёбо терпкой горечью. — Ничто так не укрепляет брак, как угроза публичного скандала.

Брат усмехнулся, его жена аккуратно прикрыла рот ладонью. Отец бросил на меня косой взгляд, но промолчал. Есения взглянула на меня с сочувствием, явно понимая, что написано у меня во взгляде.

Когда мать быстро перевела разговор на другую тему, Ви-

ана осторожно коснулась ладонью моего бедра, и я даже не узнал в этой внезапной мягкости свою супругу.

— Я тоже рада, что ты готов решить нашу ссору, — прошептала она.

Я медленно вдохнул, пропуская воздух сквозь зубы, и точно так же медленно выдохнул, уже готов отстранить её руку, сбросить это прикосновение, выжечь его из тела — но не сделал ни того, ни другого.

— Поговорим об этом не здесь.

С момента развода она была сама не своя. Точно страх потерять всё, что я ей дал, мигом заставил играть в послушную и ласковую Виану.

Потому что голос её звучал мягко, непривычно осторожно, вкрадчиво.

Потому что от её тепла дрогнула та самая часть меня, которую я тщетно пытался держать в узде. Та, что не поддаётся приказам.

И больше всего я сейчас ненавидел не предательство, а тот ощутимый факт, что стоит нам остаться вдвоём — и я, вместо холодного расчёта, захочу прижать её к себе, вдавить в матрас, вдохнуть её с головой, с криками, с дрожью в пальцах.

Тело и вся моя сущность дракона тут же откликнулись на воспоминание о том, как вчера вечером она, прежде порывистая и колючая, замерла в моих руках, прижатая спиной к

моей груди, тяжело дыша.

Как она непривычно, иначе дрожала, но не оттолкнула. Зато я чувствовал каждый изгиб её тела. И что-то иное было в её позе, взгляде, не прежний вызов...

Когда мы поднялись из-за стола и музыканты уже настраивались играть первые аккорды для танцев, я собирался выйти на балкон вдохнуть прохладный воздух и остыть. Но меня догнали лёгкие шаги, знакомый запах жасмина и голос, от которого невозможно было уйти, даже если ты командующий флотом.

— Сайрен, как ты?

Я обернулся — мать. Вечно с прямой спиной и царственной заботой.

— Я в порядке.

— Кстати, твоя жена... — она улыбнулась, словно собиралась сказать что-то милое, но не стала тратить силы на ложь.

— Я всегда говорила, что ты ошибся с выбором, сын.

— Думал, ты спешишь сообщить мне что-то новое, — ответил я сухо.

Мой взгляд сам невольно скользнул к Виане. Она сидела чуть в стороне, её огромные глаза блеснули в свете свечей, и в них снова было что-то чуждое — растерянность и уязвимость.

Проклятье, вот же неисправимый идиот. Сколько уже можно в это верить? Хотелось напомнить себе, что она умеет

притворяться, что за все годы брака доказала это не раз.

— Помнишь, сын, что тебе не стоит выходить из себя, — она подцепила меня под локоть и склонилась к груди, ведя в сторону балкона. — Сам знаешь, чем это закончится, если твоя ипостась возьмет верх, не хотелось бы снова увидеть разрушения в моем доме. И именно поэтому графиня Есения могла бы...

— Мама. Хватит.

— Я всё сказала. И отец со мной согласен. Вы не смогли завести с Виан детей, быть может, так и суждено?

Мама явно пыталась на что то намекнуть, разговор был не просто так.

— А если нет? — спросил я с нажимом, глядя на неё в упор. — Если не суждено... если были другие причины?

Она ответила не сразу. Только посмотрела на меня тем своим особенным, материнским взглядом — таким, от которого в детстве хотелось спрятаться, потому что казалось, что тебя раскладывают по слоям и видят всё: и страх, и злость, и боль.

— Я люблю тебя, что бы ты ни думал. Ты мой старший сын. Первый. С тобой я стала матерью, Сайрен. Тебе перешел мой характер, мои глаза, моя драконья кровь течет в тебе.

— Что ты хочешь? — мой голос остался холодным, но она явно почувствовала интерес к её словам и закончила с тихим выдохом:

— Если ты готов остепениться, если сможешь сделать так, что за этот месяц будет зачат твой сын, я поговорю с отцом про право наследия и преемничества.

Я усмехнулся. Вот как, значит... Докажи, что твой род стоит продолжать? Замерев и глубоко вздохнув всей грудью, я обернулся на Виану и смерил её новым взглядом.

Я могу использовать её так, как она использовала меня все эти годы. Никаких чувств. Только сухой расчет. И когда она родит сына, пусть идёт на все четыре стороны. Так?

К Виане подошла графиня Лефер и о чём-то заговорила.

А если не моя жена, то рядом есть и другая. Например, Есения, перед которой давно пора извиниться за сорванную помолвку...

Глава 5. Потанцуем?

Ужин закончился, и я растерялась. Что теперь? Танцевать? Убежать? Притвориться вазой?

Музыканты заиграли бодрее, свечи в хрустальных канделябрах дружно затрепетали — кто-то из слуг приоткрыл двери в сад, и лёгкий сквозняк скользнул по залу.

Этот ужин уже успел вытянуть из меня все силы, и я, кажется, держалась исключительно на упрямстве и остатках самообладания.

Приходилось постоянно следить за каждым своим словом, за выражением лица, за тем, куда смотрю и как держу бокал, потому что здесь, за длинным столом, где каждый взгляд словно взвешивал тебя на невидимых весах, любая мелочь могла выдать чужака.

Конечно, сложно быть спокойной, будто каждый день я сижу на званых ужинах с герцогами и графинями, которые одинаково ровно обсуждают дела на фронте, где сражаются, если мне не изменяет слух, настоящие драконы! — и будущую смерть короля с вопросами престолонаследия.

И сложно было сказать, что удивляет меня сильнее: драконы, короли или тот факт, что я теперь — одна из них?

Осознание всё ещё накатывало на меня волнами. То накроет, то отпустит. То кажется, что я окончательно сошла с ума... то вдруг начинало казаться, что вот именно этот мир

и есть настоящий, а не тот, мой, уплывающий в тумане.

Слуги двигались отточенно и бесшумно: сменяли блюда, доливали в бокалы лёгкую настойку, подносили фрукты на серебряных подносах. Гости вечера смеялись, некоторые уже включились в лёгкий танец в центре зала.

И тут, когда я только позволила себе на миг расслабиться и сделать глоток холодной воды, рядом раздался низкий голос:

— Потанцуем, Виана?

Я чуть не поперхнулась, потому что это был отец Сайрена и, по совместительству, мой свёкр.

— Я что-то сегодня... немного кружится голова, — я попыталась отстраниться от сомнительного предложения.

Во-первых, танцевать я не умела и в своём мире, а тут — тем более. Надеяться, что новое тело всё вспомнит и будет двигаться без моего участия? Хотя, стоило признать, несмотря на то, что мой внешний облик изменился, я чувствовала себя вполне органично, назовём это так.

Во-вторых, в танце придётся говорить с ним наедине, и шанс сказать что-то лишнее в такой близости вызывал у меня тахикардию.

«В-третьих» я придумать не успела, потому что герцог эн Фирд-старший решил, что отговорки — это для слабаков, и решительно взял мои руки в свои.

Он был явно из тех мужчин, которых мало кто решается перебить. Не очень высокий, но такой плотный и крепкий,

что если бы он встал у входа, стража могла бы смело отдыхать.

Неудивительно, что старший сын пошёл в него — тот же стальной взгляд, та же манера двигаться, как будто он готов одним рывком разрубить стол пополам, если рассердится.

Я оглянулась. Пока мы делали первые шаги в танце, похожем на вальс, я искала глазами Сайрена, надеясь, что он спасёт меня от ещё более пугающей беседы. Но Сайрен только молча наблюдал, и мне пришлось самой держать оборону.

— Надеюсь, вы не расстроены тем, что я предложил кандидатуру Николаса в обход старшего сына. Сами понимаете, дорогая, то, что вы... что у вас так и не родились дети за много лет брака уже говорит о том, что надежды продолжить род слабеют.

Я заставила себя улыбнуться, хотя пальцы под тонкой кружевной перчаткой уже холодели. Он вёл меня так уверенно, что возникало ощущение, будто я танцую не сама, а меня просто транспортируют по паркету, как мебель. Неловко.

— Ваша светлость, — произнесла я, переводя дыхание и пытаясь вернуть себе остатки грации и не отдавить ему ногу, — если бы наследников можно было завести по первому желанию, вы бы уже, наверное, строили отдельное крыло дворца под всех внуков.

Он не перебил, лишь смотрел, изучающе, и я продолжила мягче и с уважением, которого от меня явно ждали:

— Я понимаю вашу озабоченность, ваша светлость. Но,

быть может, мне просто чаще нужно видеть своего мужа — он так часто пропадает на фронте, что временами я начинаю забывать, как он выглядит, — выдала я с самой безмятежной и чуть страдающей улыбкой, какую смогла изобразить.

И тут же едва не споткнулась. Благо, у меня было оправдание: это не я забыла, как танцевать, а во всём виноват ужасно волнительный разговор!

— Насколько я понимаю, у вас будет целый месяц, который вы проведёте вместе, — усмехнулся свёкр, а у меня от его прямого намёка покраснели щёки. — Если вы не решитесь, конечно, окончательно всё разрушить. — Он сжал ладонь с моими пальцами и добавил тихим, но железным тоном, явно обещая мне месть за разбитое сердце своего сына и явно испорченную репутацию: — Я бы не советовал.

Мучительный во всех смыслах танец закончился, но едва мы разомкнули руки, начался следующий, и вечер покатился по нарастающей, словно кто-то решил проверить, сколько кругов ада я выдержу в бальном зале.

Голова закружилась уже в самом деле, и я всё чаще выискивала взглядом мужа, надеясь поймать хоть какой-то ориентир в этом мире чужих людей. Но Сайрен был так же далёк, как и в тот день, когда я впервые увидела его в зале суда.

Значит, муж Вианы злился, что она не смогла подарить ему ребёнка? Но здесь точно было что-то ещё — и мне отчаянно хотелось понять, что именно.

Казалось бы, какое мне до этого дело? Он ведёт себя хо-

лодно и грубо, явно пытается наказать за проступок, которого я даже не совершала, но при этом не даёт ни малейшего шанса приблизиться и спросить напрямую. Моё единственное задание — продержаться испытательный срок и разойтись по-хорошему.

Но что-то смутно ворочалось в глубинах моей души, будто пробуждённое моим психологом или этим перемещением. Даже если всё вокруг — лишь плод моего воображения или побочный эффект клинической смерти, возможно, именно этот опыт мне зачем-то нужен.

Однако ненавижу, когда загадки подсовывают без подсказок.

— Виана, позвольте? — подошёл ко мне брат мужа, Николай, и я обернулась.

— Разумеется, — приняла я его ладонь таким выверенным жестом, что сама собой восхитилась: это тело небезнадежно и ещё что-то помнит!

Николай был выше среднего ростом, с правильными, но лишёнными суровости чертами чуть вытянутого лица — не тот тип мужчины, которого представляешь на коне с мечом, но, судя по умению держаться, хитрый, как лис, и умный в своего отца.

Кажется, Сайрен говорил, что именно с этим человеком Виана окончательно испортила отношения. Но новости, которыми поделился отец, явно вдохновили Николая на редкую доброжелательность и почти великодушное прощение.

— Должен признать, вы держитесь достойно, — начал он спокойным тоном, каким обычно говорят: “на этот раз ты меня приятно удивила”. — В ваших... обстоятельствах.

Мы сделали шаг вперёд, шаг назад, лёгкий поворот.

— В каких же? — уточнила я, сохранив вежливую улыбку, чуть склоняя голову.

— Не будем, — его рука мягко подтолкнула меня в сторону, и я оказалась лицом к лицу с его улыбкой. — Предлагаю забыть прошлые разногласия, ваши попытки поставить под сомнения мою честь. Знаете, Виана, для спокойствия королевства важно, чтобы каждый знал, где его место, и служил со всем благородством, даже если иногда это кажется несправедливым.

Он приподнял руку с моей ладонью и отшагнул, позволяя мне повернуться вокруг оси и снова вернуться к нему: я уже почти выучила этот незамысловатый танец.

— Мой брат Сайрен — военный и защитник наших земель, его предназначение — быть на передовой, а не в придворных интригах. Я, конечно, сочувствую... — он понизил голос почти до шёпота, крепче сжав мою ладонь, — что у вас до сих пор нет детей. Но, быть может, в каком-то смысле это даже к лучшему. Меньше обязательств, меньше... давления и ответственности, которой у него и без того хватает. Учитывая его сложности.

Я приподняла бровь, но он, не дав мне вставить слово, продолжил:

— Хотя, если захотите всё же что-то изменить... есть один служитель, который в своё время помог моей жене...

Я так и не узнала, чем он собирался закончить фразу — просто перестала слушать, глядя за плечо Николасу.

В дальнем конце зала мой муж танцевал с Есенией. Та самая Есения, которая ещё недавно степенно вышагивала под руку с отцом, графом эн Лефером, теперь словно расцвела у него в объятиях и о чём-то тихо смеялась.

Он держал юную графиню за талию так близко, так уверенно, что даже сквозь толпу я почувствовала эту разницу. Куда горячее, чем Николас минуту назад держал собственную жену.

И уж точно не так, как Сайрен прижимал Виану к себе в последнее время. Вернее — почти не прижимал. Откуда мне знать?..

Воспоминание вспыхнуло без спроса: я видела Сайрена, сосредоточенного, с головой погружённого в карты, донесения и сложные комбинации, которые понимал только он. Последние месяцы всегда так.

Редкие вспышки страсти — внезапные, обжигающие, будто он вырывал у судьбы минуту передышки, — давно стали исключением. Остальное время он был отстранен и будто потерял.

Я вижу в воспоминании саму себя, эту, новую, и то, что она говорит Сайрену, но слова тонут в тумане, остается только послевкусие обиды и злой взгляд получеловека-полудра-

кона, который считает себя преданным и оскорбленным до глубины души.

Выходит, что я не согласилась на развод — и удержала их обоих в мучительных отношениях, где они уже давно стали чужими?

Когда музыка на миг остановилась, прежде чем начаться заново, я остановилась, глядя на мужа. И взгляд мой был достаточно выразительный, судя по всему, потому что Сайрен, поймав его, на мгновение сверкнул глазами...

Он направился ко мне, и свет свечей скользнул по его лицу. Серебристые волосы упали прядями на лоб, тёмный кожаный камзол с золотой вышивкой блеснул в полутьме.

Он направился ко мне, и свет свечей скользнул по его лицу. Серебристые волосы упали прядями на лоб, тёмный кожаный камзол с золотой вышивкой блеснул в полутьме.

В его облике было что-то пугающе-собранное: командующий флотом, привыкший просчитывать каждый шаг, и в то же время — мужчина, чья сила легко могла обернуться обжигающей вспышкой страсти.

Сайрен сощурился и чуть склонил голову набок, словно пытался меня разгадать, и всё-таки протянул ладонь под первые аккорды нового танца.

— Благодарю, — зачем-то сказала я, положив пальцы в его ладонь.

Во взгляде Сайрена снова мелькнуло тихое недоумение.

Мол, за что именно ты меня благодаришь, герцогиня? За то, что я просто исполняю свой супружеский долг? И даже не в том смысле, в котором тебе вдруг захотелось?

Оу. Кажется, я действительно подумала это слишком явно, потому что Сайрен судорожно выдохнул, откликаясь на мою эмоцию.

— Благодарить? — прошептал он.

Его ладонь чуть крепче сомкнулась на моей, он повёл меня в сторону, и пол скользнул под каблуками легко, почти послушно.

— За то, что ты спас меня от необходимости дослушивать историю твоего брата и его жены, — я позволила себе осторожную улыбку, стараясь вложить её в шаги так же, как в слова.

Он не ответил сразу, лишь чуть сильнее сжал мою ладонь и повёл в танце. Музыка текла мягко, но в каждом шаге я чувствовала его силу. Его пальцы, заключённые в перчатку, будто выжидали — выдержу ли я близость, наклон, поворот.

А я держала подбородок чуть выше, чем следовало, и улыбалась так, словно у меня всё под контролем.

— Моего брата не стоит недооценивать, Виана, — ответил он наконец, ведя меня в поворот так, что подол моего платья скользнул по его коленям, а ткань зашуршала между нами. — Честь семьи для него не пустой звук. И он может быть весьма опасен с теми, кто хочет перейти ему дорогу.

Я прикусила губу, чтобы не выдать себя окончательно, и

скользнула взглядом по его глазам. Светло-зелёные, слишком внимательные. Та самая бездна, в которую хочется и страшно шагнуть одновременно.

Его ладонь чуть сильнее легла мне на талию, и в этом движении было столько тепла и скрытой власти, что у меня невольно перехватило дыхание. Пальцы горячие, твёрдые, с лёгким нажимом — словно он хотел чувствовать каждое моё движение и каждую попытку сопротивляться.

— Что ж. Кажется, в твоей семье мне больше не рады.

— Ты так и не стала частью моей семьи, Виана. По своему выбору, — его голос был низким и ровным, но в этой ровности чувствовалась горечь. — И наше будущее уже решено. Но на процессе развода ты вдруг сказала, что передумала. Не дала согласие. Чего ты хочешь от меня?

Он подхватил меня в танце так резко, что пришлось встретить его взгляд.

— Дожить до конца этого месяца без дипломатического скандала, — ответила я слишком быстро, чтобы успеть придумать что-то умнее. — И при этом чтобы никто не потерял человеческий облик.

— Похвально, — его губы дрогнули в тени улыбки, которая не дошла до глаз. — Но ты понимаешь, что у некоторых драконов с этим проблемы?

— Я помню, — выдохнула я, стараясь не выдать, как учащённо бьётся сердце. — И, знаешь, ещё мне хочется... — закинула я пробную удочку, пытаюсь всё же найти, в чём так

сильно прокололась моя предшественница, — чтобы ты перестал смотреть на меня так, будто я только что подожгла твой флот.

— Ты предала меня, Виана, — сказал он почти без интонации. — И я всё ещё не могу понять...

Я уже готова была услышать новое обвинение, но слов не последовало. Вместо этого его пальцы на моей спине задержались чуть дольше, чем требовал танец. Взгляд — тяжёлый, усталый — скользнул по моему лицу так пристально, будто он выискивал хоть крупицу правды.

И на миг мне показалось: если бы я в эту секунду сказала что-то правильное, одно-единственное слово, он бы услышал.

Но музыка смела этот миг: мелодия оборвалась, танец закончился, и вместе с ним — хрупкое ощущение близости. Сайрен отпустил меня слишком быстро, почти с досадой, склонил голову в безупречном поклоне и, не задерживаясь, развернулся.

Глава 6. Ненавидишь или хочешь?

В конце концов мне удалось поймать милую кудрявую служанку и ускользнуть с ней в комнату, где дамы могли привести себя в порядок и припудрить носик.

Щёки у меня горели так, словно я только что впервые в жизни танцевала на школьной дискотеке медленный танец со старшеклассником! А ведь это был всего лишь муж. Всего лишь рассерженный, совершенно чужой, обалдеть-какой-мужчина-муж.

Тот самый, который смотрит на меня так, будто я вот-вот признаюсь ещё и в государственном перевороте. Ну, чего уж там — если жена стерва, то по-полной программе.

Я не постеснялась плеснуть себе в лицо ледяной воды — и почувствовала, как голова немного прояснилась. Зеркало напротив показало вполне приятную, живую девушку, и отчасти и правда похожую на настоящую меня... только улучшенную версию. Глаза распахнуты чуть шире, синяки под ними меньше, а волосы сами ложатся послушными шёлковыми волнами.

Кажется, ещё немного, и я окончательно присвою себе этот образ.

После танцев гости начали расползаться по комнатам герцогского особняка — каждый по своим интересам. Кто-то уселся у камина, кто-то ушёл в соседнюю комнату, а в глав-

ном зале заметно стихло. Музыканты, словно чувствуя общее настроение, перешли на лирические, почти убаюкивающие композиции. Воздух стал тише, плотнее, словно обволакивал гостей мягкой дремотой.

Я вернулась в зал, рассеянно кивая матери Сайрена, которая стояла рядом с мужем и с неподдельным воодушевлением рассуждала о новых модных тенденциях: о кружевах из южных стран, об изысканных тканях, которые теперь стали «обязательны для каждой порядочной дамы». Она держалась так, будто её слова — не просто мнение, а истина в последней инстанции.

Я же, краем глаза заметив, что Сайрен куда-то исчез, решила сменить поле деятельности. Куда делся мой пышущий жаром дракон? Странно признавать, но среди всей этой толпы он был единственным чело... существом, хоть как-то мне близким. И, как ни глупо звучит, хотелось убедиться, что он не исчез в чьих-то чужих комнатах.

— Простите, — пробормотала я, почти не слушая очередной комментарий о “правильной длине подола”, и, проскользнув мимо слуги с подносом, вышла в коридор.

Коридоры встретили меня мягким вечерним полумраком: свет факелов и свечей дрожал на стенах, а шёпоты и смех разносились дальше, чем того хотелось их хозяевам. Я старалась ступать тише, но паркет всё равно предательски откликался лёгким скрипом, словно сам выдавал моё присутствие.

Это, впрочем, не спугнуло двух молодых служанок у окна.

Они щебетали так оживлённо, что казались глухими к любому посторонним звукам.

— Ты видела вчера его карету, когда он проезжал мимо? — захлёбывалась шёпотом одна, закатив глаза. — Чистое безумие! Целиком из чёрного дерева с позолотой, а внутри, говорят, красный шёлк... вот бы взглянуть поближе.

— Да уж, — вторая приглушила голос, но явно не от страха, а от сладостного удовольствия, — Златан умеет произвести впечатление. Правда, говорят, страшный нахал, ему совершенно плевать на правила и приличия.

— Может быть. Но, если бы я его встретила... — первая прижала руки к груди, и даже в тусклом свете я отчётливо увидела её мечтательное выражение. Казалось, ещё миг — и она сползёт с подоконника в обмороке.

Я прошла мимо, отметив, что “ему совершенно плевать на правила и приличия” тут явно считается похвалой.

Дальше — в полутёмной галерее — меня встретил резкий, сухой голос Николаса, пробивающийся сквозь тонкую дверь.

— ...Я сказал тебе не спорить со мной при людях, — бросил он, и в его тоне не было ни капли тепла.

Ответ его жены был тих, почти неслышен, но я всё же уловила:

— Да, Николас.

Вот тебе и образец прекрасной семьи: умные, богатые, четверо детей... Как-то сразу стало ясно, что в их “идеальной” семье идеальности — ровно до закрытых дверей.

Я поёжилась, ярко вспомнив собственный брак в моей настоящей жизни. Мой муж тоже умело изображал благороднейшего, умнейшего и деликатнейшего человека — ровно до тех пор, пока мы не оказывались наедине.

А там, точно по волшебству, карета, вернее, «прекрасный принц», превращался в тыкву. От его вечных упрёков и ворчания — что платье у меня выбрано не то, взгляд не тот, а уж слова и вовсе бред — хотелось после душа ещё и отмыться мочалкой до скрипа.

Вот и сейчас, услышав в голосе жены Николаса знакомые нотки усталой покорности, я даже передёрнула плечами. Ну уж нет! С меня хватит. Лучше уж пусть будут яростные разборки с Сайреном за моё наследство и отступные при разводе, чем этот тихая, вязкая отравка.

Я замерла, вконец растерявшаяся в этом огромном дворце. Впервые почувствовала, как схлынул азарт, дающий силы, и я осталась совершенно одна.

В чужом мире.

С драконами, в которых, очевидно, умеют превращаться его обитатели... и даже я сама, но чего делать почему-то именно мне — запрещено. Я медленно подошла к очередному просторному балкону, толкнула приоткрытую дверь и вышла было наружу, как услышала в десятке шагов от себя уже знакомый бархат голоса Сайрена:

— Вы всегда умели говорить правильные вещи в нужный момент, графиня.

— А вы, герцог, всегда умели заставить меня сомневаться,
— ответила Есения, и по её голосу я почти видела мягкую улыбку.

Он тихо усмехнулся. И этот смех был теплее всего, что я слышала от него за последние недели. Удобно: со мной можно быть холодным и жестоким, а вот рядом с графиней — таким обворожительно «живым».

Кажется, мой муж решил, что со мной уже покончено, и пора подыскивать себе «тихую гавань» после всех своих боевых подвигов.

И эта графиня и без того с него глаз не сводила весь вечер. Значит, слухи о нашем разводе прошли так широко, что все уже предчувствовали передел известного мира.

Что ж, не могу осуждать Есению: «мой» муж обладал редкой способностью ввергать в трепет одним касанием. Но ведь нам дали месяц на примирение... и я всё ещё не знала, что будет со мной дальше.

— Может быть, это моё решение было неверным, Есения, — проговорил с хрипотцой Сайрен, и клянусь, я буквально видела выражение его глаз в этот момент. — Но ещё не поздно многое изменить...

Слова утонули в шуме моей собственной крови. Пульс бился так громко, что я едва улавливала музыку из зала. По венам полыхнула злость — горячая, чужая, непонятная.

Да ей-богу, Виана, ты его ненавидишь или хочешь? Могла бы определиться до того, как втянула меня в этот чёртов

мир!

Я прижалась спиной к колонне балкона и закрыла лицо ладонями.

Всё это слишком.

Сначала казалось, что моя жизнь преобразилась: я — теоретически — умею летать, принадлежу к влиятельной семье, у меня особняк у моря и муж, военный-здоровенный. Даже если он не понравится, можно развестись и жить на содержание. Вроде бы мечта.

Но как-то уж всё очень запуталось. Виана, похоже, по уши увязла в местных интригах, ей угрожает собственный свёкр и брат мужа, и любой неверный шаг грозит обрушить всё, как карточный домик.

Вечер закончился скомканно, я вернулась в зал, Сайрен вскоре тоже. Мы молча добрались до особняка, и эта тишина между нами звенела громче любой ссоры. Коридоры встретили привычным теплом свечей, и всё вокруг выглядело так спокойно, будто в стенах этого дома никогда не звучали угрозы и признания.

— ...Есть ещё ряд формальностей, которые мы должны выполнить, чтобы получить развод, — сухо произнёс Сайрен, едва мы вошли в гостиную.

Я опустилась в широкое кресло у камина, лениво вытянув ноги на ковёр и сложив ладони на коленях с таким видом, будто смиренно жду приговора. Чуть приподняла подборо-

док и посмотрела на мужа.

— Слушаю тебя, — мой голос подчинился и прозвучал максимально мелодично.

Как будто не я только что стала свидетелем, как он уже выбрал себе другую.

Сайрен шумно выдохнул. Похоже, моё спокойствие раздражало его больше, чем любая вспышка гнева.

— Мы должны посетить служителя храма вместе. Я бы тоже предпочёл этого избежать. Но закон и клятвы, как ты слышала, требуют деликатности. И точности. Я договорился на завтра. Будь добра, — он неопределенно взмахнул рукой, чтобы я смогла сама догадаться, в каком именно виде я должна быть добра.

Добра не замечать его новую страсть?

Добра, чтобы отпустить подобру-поздорову?

Добра не устроить публичный скандал, который, видимо, должна была с огоньком устроить моя предшественница.

Я должна была сказать что-то колкое. Что-то, что заденет его не меньше, чем сцена на балконе задела меня. Но я не сказала. Может быть, я ещё не решила — играю ли я в его игру или начинаю свою?

Он уже уходил, но задержался на лестнице. В полумраке его силуэт казался усталым, чуть небрежным после вечера: прядь серебристых волос выбилась из причёски и падала на лоб, камзол сидел слишком вольно, словно он устал держать всё идеально. Но глаза — нет. Глаза горели, и в этом огне

я уловила что-то новое, будто идея, которая только что пришла ему в голову и успела его вдохновить.

— И, Виана, — сказал он с таким нажимом, что мурашки пробежали по коже, — без сюрпризов. Давай останемся взрослыми людьми.

Взрослыми, значит? Прозвучало так, словно меня, Виану эн Фирд, он за таковую и не считает. Словно обвиняет в детскости, в непредсказуемости, в чём-то ещё, что я сама пока не могу назвать... но наверняка узнаю утром.

Я подняла взгляд, позволила себе улыбнуться и мягко, почти ласково ответила:

— Конечно, мой герцог. Какие могут быть сюрпризы?

Глава 7. А вы точно не психолог?

Храм Драконьего Пламени возвышался над городом. Высокие шпили заканчивались коваными крыльями, тонкими, как пергамент, и переливались на солнце медью и золотом.

— Нам прям туда? — неосторожно спросила я, задрав голову.

Благо, Сайрен не обратил внимания на мой неуместный и странный вопрос, только чуть свёл брови, нахмурившись, но продолжил идти прямо к храму.

Мы прибыли на карете Сайрена — простой, строгой, без лишней отделки, только крепкие колёса и ровные линии лакированного чёрного дерева. Сразу видно, владелец — военный: функциональность прежде всего, ни единой резьбы, ни позолоченной ручки.

И пока ехали, я вспоминала “свою” комнату в особняке: утопающую в ажурной лепнине, с позолоченными вставками и резными драконьими хвостами, закручивающимися по краям зеркал. Казалось, там каждая деталь только и ждёт, чтобы на неё обратили внимание.

Мы с ним в этом, похоже, были настолько разными, что даже “моя” мебель могла бы развестись с его мебелью.

Поднимаясь внутрь, я уже привычно приподняла подол длинного платья. Сайрен шёл впереди, в своём мундире, чёрном с золотом, который под светом сотен огней казался

ещё темнее и, конечно, подчёркивал ширину его плеч.

Я старалась не слишком вертеть головой, но глаза всё равно цеплялись за детали: за бронзовые статуи драконов, которые вздымали крылья у входа; за алтарь в глубине, где над чашей с пламенем висел символ их веры — переплетённые крылья и языки огня, сплетённые в вечную спираль.

Нас встретил слугитель — высокий и сухощавый, с открытым лицом и тёплыми, внимательными глазами.

— Ваша светлость, герцог, — поклонился он моему мужу и после с равным же уважением мне: — Ваша светлость, герцогиня.

— Слугитель эн Фар, — коротко кивнул Сайрен.

Он пригласил нас пройти по боковому коридору, где пламя в низких лампадах отбрасывало мягкие блики на стены, и вывел в небольшую залу для исповедей.

Помещение оказалось неожиданно уютным: низкий потолок, стены, выложенные гладким тёплым камнем, две широкие лавки по обе стороны от невысокого стола, в центре которого горела чаша с ровным янтарным огнём.

И да, в углу стоял глубокий диван обтянутый красным бархатом, настолько мягкий, что на нём можно было утонуть — и, судя по вмятинам, кто-то здесь именно так и делал. Я прищурилась: если это традиционный атрибут исповеди, то у меня появились очень серьёзные вопросы к местным религиозным практикам.

В нишах за спинами стояли резные деревянные фигуры

драконов в разных позах — то в полёте, то с собранными крыльями, будто хранили тишину комнаты. У одного, клянусь, была такая физиономия, словно он только что подслушал сплетню и теперь мучается, что не может её рассказать.

— Очень... атмосферно, — выдохнула я, скользнув взглядом по дивану, потом на Сайрена, потом снова на диван. — И где, по-вашему, удобнее будет общаться?

Сайрен даже не повернулся, но я увидела искоса, что уголок его губ дёрнулся.

— Как вам будет удобнее, ваша светлость, — служитель чуть развёл руками, указывая и на лавки, и на красный бархатный диван. — В этом зале нет строгих правил.

Я улыбнулась так, будто и в самом деле размышляю, что будет лучше для глубоких духовных откровений, и решительно направилась к дивану.

— Думаю, здесь, — произнесла я с видом человека, который принял единственно верное решение, и села, утонув в мягких подушках так, что колени оказались чуть выше уровня сердца. — Тут можно как следует... сосредоточиться.

Сайрен скользнул по мне взглядом — таким, каким обычно оценивают непонятные, но потенциально опасные манёвры противника.

— Виана, — его голос был почти без интонации, но я уже знала этот оттенок: он означает, что он готов сказать “нет”, но хочет посмотреть, чем всё кончится.

В итоге он всё же опустился рядом — слишком близко

для того, чтобы сидеть по-деловому. Бархат поддался под его весом, и мы оба чуть съехали друг к другу. Плечо коснулось плеча, и, клянусь, он сделал вид, что это случайность.

— Удобно? — тихо спросил он, не поворачивая головы.

— Очень, — так же тихо ответила я, глядя прямо на служителя. — Думаю, это поспособствует... откровенности.

— Не думаю, что вообще это нужно, — Сайрен раздражённо выдохнул. — Всё уже решено.

Похоже, всё-таки рассчитывал на скандал, в котором бы занял оскорблённую сторону, а моё поведение стало бы поводом закончить этот цирк и разойтись по своим... жизням.

Но служитель смотрел то на него, то на меня, и будто что-то такое заметил, что вдруг предложил:

— Возможно, начнём с того, что мешает вашему взаимопониманию? Иногда глубокий разговор по душам всё меняет и расставляет по своим местам.

— Отличная идея, — я сложила руки на коленях, чуть подалась вперёд, как прилежная прихожанка.

Сайрен чуть прищурился, взглянув на меня искоса:

— Ты действительно хочешь изображать, что ничего у нас не случилось?

— А что у нас случилось? — в тон ему прошептала я, продолжая улыбаться служителю эн Фару.

Служитель мягко развёл руками, и огни в лампадах загорелись по мановению его ладоней. Я замороженно взглянула на пламя. Интересно, так могут все драконы или только слу-

жители храма?

— Вы ведь знаете, — начал он мягко, но так, что слова словно отбрасывали отражение в пламени, — Изначальное пламя принадлежит всем, в чьих жилах течёт драконья кровь. Оно не терпит фальши. Оно принимает только того, кто стоит перед ним с кристальной ясностью намерений и чистотой сердца. Любая тень лжи — и сила отвернётся.

— Чистота сердца? — начал Сайрен, подавшись вперёд с грацией хищника, и я не могла не залюбоваться, хоть невольно сползала ещё ближе к нему.

Ах ты гравитация, бессердечная ты сволочь.

Но продолжала делать невозмутимый вид, что всё в порядке.

— Да, можете быть откровенны в этих стенах. Всё, что вы скажете, останется в этом пламени, — на сей раз служитель даже не повёл рукой, но пламя послушно отреагировало на его слова.

Ей-богу, покруче, чем спецэффекты в нашем кино!

Интересно, оно будет вспыхивать каждый раз, когда он скажет “пламя”?

А если я скажу “пламя”, что будет?

Я едва не издала нервный смешок, но муж продолжил без тени веселья:

— Что ж, буду откровенен. Я был увлечён, как мальчишка, с первого взгляда. Её огромные глаза, бесхитростное лицо. Я был окрылен — во всех смыслах. Быть может, я ста-

ромоден и слишком прямолинеен, прошу мне это простить. Но правда и честь — не пустые для меня слова. И я надеялся, что заслуживал такой же правды в ответ. Но то, что моя супруга...

Сайрен всё же попытался отодвинуться от меня и заставил напрячься, чтобы остаться на месте. Я слушала так спокойно, что сама себе удивлялась.

Во-первых, это не про меня.

Во-вторых... Мне вообще сложно представить, что такое бывает.

Я вспомнила другой вечер и другого мужчину — моего бывшего.

Тот не раздумывал над красивыми оборотами и возвышенными словами, даже не пытался играть в благородство. Наоборот, ему словно веселее было всё разрушить и посмотреть с непроницаемым лицом на мою реакцию, когда он говорил: *«Любовь?! Да я тебя вообще никогда не любил. Ты сама прицепилась, как репей, я и подумал: чего буду отказываться?»*

— Продолжайте, — предложил слугитель Сайрену.

“А вы точно слугитель Изначального Пламени, а не местный психолог?” — хотела спросить я, но благоразумно промолчала. Пусть муж высказывается. Мне сейчас лучше и правда молчать. Всё, что будет сказано, будет явно использовано против меня.

— Она делала вид, что любит. О, она талант, настоящая актриса. Я пошёл наперекор своему отцу, выбрав её, безродную, уж простите, сироту. Но не уверен, что Виана и сейчас понимает, что это значит в нашем обществе и какой протест вызвало у всех, кто приближен к королю.

Ну ладно, не такая уж она тупица? Можно не драматизировать, ясно же, что небогатая красотка ухватилась за такую возможность. Кто бы на её месте отказался? Считаю, тут нет повода для откровенной ненависти. И потом, Сайрен так хорош, что она наверняка прониклась к нему вполне искренне.

— Но даже оказавшись герцогиней, она вела себя так, буд-

то титул — это просто красивое слово, а не почетное положение в обществе, когда есть не только права, но и обязанности. Пропускала приёмы, отказывалась встречаться с теми, с кем я просил, срывала договорённости, подрывая мою репутацию.

Что ж, понятно, чем Виана его зацепила изначально: похоже, именно своим свободомыслием и нежеланием укладываться в рамки. Типичная история. Яркие, отрицающие правила и рамки люди всегда привлекают к себе.

Не могу осуждать и даже чуть-чуть восхищена!

Служитель молчал, я тоже, и наконец муж продолжил тихо:

— Я любил. И разумеется, хотел детей. И не только для того, — он поморщился, — чтобы продолжить род. Я действительно, искренне желал этого, видит Пламя. Хотел наших с ней детей и готов был подарить и им свою защиту и силу. Пока меня не убедили, что я проклят.

Его пальцы в перчатках сжались в кулак, а глаза сверкнули огнём, клянусь, я видела это даже искоса:

— Моя дражайшая супруга решила, что лучше будет пить настойку, которая помешала бы этому, и продолжать лгать мне в лицо, что в отсутствии детей виноват именно я. Пять. Долбанных. Лет из нашего семилетнего брака.

Ох, вот как! Я застыла.

Ну и... ну и сволочь же ты, Виана эн Фирд... Это даже я не знаю, как оправдать. Так ведь можно и человека свести с

ума, настоящий газлайтинг.

Повисла звенящая тишина. Теперь я готова была искренне поддержать Сайрена в его эмоциях, но проклинать саму себя выглядело бы, мягко говоря, странно.

Как назло, служитель перевёл взгляд на меня и уставился так, будто видит насквозь. Ну тогда увидите, пожалуйста, что именно я тут вовсе не причём!

— Я... — чёрт, слова закончились в самый неподходящий момент.

Я взглянула на служителя — и вдруг оказалась будто снова в той комнате с расстановками, с которой всё началось: тот же внимательный, мягкий, но слишком проникающий взгляд; то же спокойствие, в котором не было ни капли личного участия — только анализ.

Почему я прохожу это второй раз? Мало мне было одного развода, одного бывшего, который хотел вытрясти из меня душу?!

— Что она может сказать, герр эн Фар? — Сайрен вскинул обе развернутые ладони. — Перед Изначальным Пламенем не солжешь. Я не знаю, что за женщина была все эти годы рядом со мной.

Я чуть подалась вперёд, вцепившись пальцами в мягкий бархат дивана, и с самым честным видом подумала: «А я что, по-вашему, знаю?»

Чтобы не ляпнуть ничего лишнего, я поджала губы. Месяц. Всего один месяц терпения, и я останусь в этом мире

не босоногой бродягой, а разведённой со всем достоинством герцогиней.

Я перевела взгляд на мужа, на мгновение застыла, глядя в огонь в глубине его светло-зелёных с карим глаз, на его губы, тоже едва удерживающие гнев.

Виана, ты была душой, что отказалась от такого мужчины.
А я буду душой, если позволю ему уйти.

Глава 8. Кто он?

Близость Вианы сводила с ума.

И то, какой она была не похожей на себя — тоже, но в другом смысле.

Казалось, на разводе она на миг закрыла глаза, а открыла уже совсем иные. Нет, внешне всё так: те же яркие, искрящиеся пламенем, светло-карие, обрамлённые густыми тёмными ресницами и огромные, как сама вселенная.

Но тогда... тогда она сделала резкий вдох, встретила мой взгляд и вместо привычно поджатых губ и выражения лица, на котором давно не было любви, вместо резких слов, которыми она бросалась прежде, Виана вдруг растерянно, почти ошеломлённо сказала:

— Я передумала.

И это, проклятье, сбilo меня с толку. Я хотел лишь формальности — подписать бумаги, отделаться. Заставить служителя закончить всё как можно быстрее. Но её спокойствие, её непривычное молчание вынудило заговорить откровенно.

Хотя кому теперь нужно это откровение? Всё давно кончилось. Ещё в момент первой лжи.

— Послушай, Сайрен. У меня были... весомые причины так сделать, — произнесла Виана снова чужим, непривычным мне тоном.

— Весомые причины? — повторил я, но в тон уже проник раскалённый металл. Снова увильнёт. — Так что это за причины, Виана?

Она не отвела взгляда. Даже не дёрнулась, хотя я привык, что в такие минуты люди начинают нервничать. Её спокойствие действовало хуже любого вызова.

Я почувствовал, как в груди поднимается жар — тот самый, что на поле боя даёт силу разорвать врага, но в мирных залах становится опасным. Сжал ладони на коленях, чтобы не дать телу двинуться вперёд. Плечи напряглись, дыхание стало резче, и я почти видел со стороны: будто снова стою в строю перед боем. Только враг здесь — моя жена.

— Пойми, — снова уворачивалась она, — я не отказываюсь от клятв. Я лишь хочу, чтобы ты услышал и мою версию, и...

— Твою версию я слушал пять лет, — выдохнул я. — Появилась новая?

В груди сдвинулось что-то тяжёлое. Я почти физически ощущал, как хвост моей второй ипостаси в метафорическом смысле хлещет по полу, и в висках нарастает тот самый хищный зуд — прижать её к стене, вырвать ответ, заставить перестать юлить.

Виана неуверенно кивнула, но потом прикусила губу.

— Говори же, — бросил я коротко.

Служитель поднял взгляд, и в тишине было слышно только потрескивание огня в чаше.

Но Виана опять предсказуемо начала юлить:

— Есть вещи, которые я не могу сказать прямо... даже тебе, — и наконец подняла на меня глаза. Умоляющие. — Мне нужно время.

— Да сожги меня Пламя, Виана! У тебя было семь лет со мной! Этого недостаточно?!

— Дай мне ещё этот месяц. И я всё расскажу.

Я сжал ладони, и кожа перчаток тихо зашипела от жара. Ещё слово не туда — и я забуду, что мы в храме.

Служитель перевёл взгляд с неё на меня:

— Ваша светлость, вы знаете закон. Проведите этот месяц с терпением и покорностью Пламени, очистите оба свои души от зла, злости и обид — и будете свободны. Я буду молиться за чистоту ваших душ. Пусть сгорит в Пламени всё отжившее, — произнёс он ровно, словно озвучивал приговор.

Мой взгляд снова нашёл её. Виана эн Фирд. Мой бунт, который длился семь лет. Не та, за кого стоило держаться. На её месте могла быть любая — лишь бы неугодная моему отцу. Верно?

Но глаза... Эти глаза, в которых сейчас не было ни страха, ни покорности. Только упрямая готовность стоять до конца.

Я подался вперёд, так, что кончики моих перчаток задели её шёлковую юбку. Её руки дрогнули, но она не отшатнулась. Упругий завиток каштановых волос проскользнул по её щеке, когда она повернула ко мне голову и уставилась в упор.

— Осторожнее, Виана, — выдохнул я, чувствуя, как дракон во мне расправляет крылья. — Когда ты так торгуешься, цену назначаю я.

— И что ты хочешь? — её улыбка была острой, как клинок.

Я поймал себя на том, что хочу слишком многого сразу. Убить и поцеловать. Швырнуть на постель и вырвать признание.

Посадить её на цепь и не позволить сделать ни шага без моего приказа. Лишить всех служанок, лишить общества, чтобы никто больше не мог передать ей её проклятые травы.

И пусть она снова лепечет о том, как хочет всё рассказать, как ей нужно время. Или пусть стонет — так же умело, как всегда, — под тяжестью моего тела. Если боги дадут нам дитя, она выносит его, а сама может отправляться хоть в самую бездну.

— Ничего больше, чем твоё послушное исполнение роли моей супруги, — выдохнул я.

Улыбка вышла зловещей, и я даже не пытался её скрыть. Смысла нет.

— Мы сейчас говорим о... публичном исполнении?

Я повернул голову к служителю. Нехорошо, что он становится свидетелем этой сцены. И всё же — он сам только что напомнил, что перед лицом Пламени нельзя лгать.

— Во всех смыслах, Виана, — произнёс я уже ровно, почти буднично.

— Итак, герцог и герцогиня эн Фирд, звучит так, словно мы пришли к некому соглашению, — подался вперёд служитель, делая вид, что не слышит интонации, звучащие в наших словах. — Один месяц. Вы держитесь договорённости, по истечении срока — Пламя примет ваш выбор.

Он перевёл вопросительный взгляд на Виану, и та медленно и грациозно кивнула. Ну конечно.

Мы поднялись почти одновременно; диван вздохнул и отпустил нас, словно тиски, а служитель мягко распахнул дверь бокового коридора — вежливый, бесстрастный, как каменная статуя.

Коротко кивнув ему, я шагнул вперёд. Дверь закрылась бесшумно, в коридоре пахло тёплым камнем и маслом лампад. Воздух был прохладнее, чем в зале, и всё равно мне стало жарче.

Я перехватил Виану за локоть — в перчатке, аккуратно, но так, чтобы у неё не было права на побег, — и повёл на полшага в нишу между пилонами. Каменные стены были близко, и на миг мы остались в тени, как на краю арены.

Я опёрся ладонью у стены, рядом с её виском; кожа перчатки едва коснулась камня, и тот сразу потеплел. Я ждал эмоций, искры, чего-то живого. Но Виана застыла, словно ей было всё равно. И это было хуже любого крика, и я не выдержал.

Неужели только мне это всё ещё важно?

— Не обольщайся, твоё место рядом со мной — единственная причина, по которой ты хоть что-то значишь в этом мире, — выдохнул я тихо, намеренно, чтобы каждое слово резало. — Месяц нужен именно мне, чтобы всё шло по порядку.

На моих словах её каменное спокойствие наконец треснуло. Она вспыхнула, как бывало прежде, будто вспомнила наконец все мои “грехи”.

И рывком вскинула ко мне голову.

— По порядку?

Я приблизился ещё на полпальца; лампада треснула каплей масла, по камню побежала тень.

— Да. Мне нужен порядок. Я военный, если ты не забыла, — сказал я ровно. — И да, я хочу иметь наследников. Я не обязан оправдываться за это.

— О да, я понимаю. То есть ты используешь меня, потому что так приказал твой отец, — произнесла она с тихой яростью. — Ты справишься, будешь хорошим сыном.

Я почти физически ощутил, как в груди лопается тонкая преграда, удерживающая ярость. Шагнул ближе и прижал её к холодной стене храма так, что её ладони невольно упёрлись в мою грудь.

— Как же я тебя ненавижу, — сорвалось у меня. И сам не понял — это было про злость или про то, как сильно тянуло коснуться её снова.

Да что это со мной!

Камень за её спиной был холодным, но между нами — жар. Хотелось заставить её замолчать любым способом.

— Я знаю, что ты уже нашёл себе другую, — заговорила Виана резко, и в её голосе прозвучала такая обида, какой я раньше никогда не слышал. — Графиня эн Лефер. Твоя милая Есения готова раздвинуть перед тобой ноги хоть сегодня — и родить столько детей, чтобы ты мог переплюнуть своего брата!

Я замер, и на миг во мне всё стихло. В её словах слышалась не только горечь, не только ревность. Это было оружие. Ход, продуманный так, чтобы ударить в самое слабое место — в моё упрямое желание найти смысл в этих семи годах.

Она знала, куда целиться.

Я видел такое на поле боя: когда враг делает вид, что сдаётся, а сам тянется за кинжалом. То же самое было и сейчас — только вместо кинжала у неё слова.

— Да, — я почти усмехнулся, чувствуя, как пальцы сильнее вжимаются в её талию. — И она была бы лучшим выбором для меня.

— Только почему-то не её, а меня ты взял в жёны.

— Я был идиотом, — бросил я, но взгляд сам упал на её губы.

Один рывок — и я мог бы смять их в поцелуе, грубом, пока она не сможет говорить. Но я стиснул зубы и выдохнул сквозь них, заставляя себя не поддаться. Часть меня холодно отмечала: она играет. И, пламя меня подери, играет умело.

— Ещё не поздно, — Виана смотрела на меня снизу вверх, и в её взгляде смешались вызов и боль. — Выбери её и будь счастлив.

Счастлив. Я держал в руках ту, с кем поклялся провести жизнь. И всё тело, всё мое существо отчего-то теперь, так ярко и непривычно, откликалось на каждое её движение, дыхание, взгляд.

Что она сделала со мной? Я думал, что оставляю её равнодушно, меня давно не грели её чувства, не шевелилось ничего внутри. Была только пустыня и холод.

Но что-то случилось за последние дни, и я начинал сходиться с ума.

С Есенией всё было бы так тихо и спокойно! Предсказуемо, в то время как с Вианой я рискую сгореть. Или это проклятая драконья кровь превращала всё внутри в дикую жажду.

— Ещё не поздно... — я усмехнулся, повторив её слова.

— Развод — это не конец жизни, верно? — Подобралась Виана вдоль стены выше, выторговывая себе пространство. Мы почти коснулись друг друга губами, правда слова слетали с губ вовсе не сладкие: — Ты выберешь другую, и я... кого-то, кто видит во мне не только тело, но и душу.

Кровь в жилах мгновенно превратилась в колючий лёд.

Так вот почему она не желала от меня детей. Все эти годы... Есть другой, к кому она так жаждёт сбежать? Сохранив и свой титул, и присвоив мои деньги.

Мне следовало бы отшвырнуть её в сторону, но я схватил её за руку.

— Кто он?

Глава 9. В которой я голая

Кажется, я зашла слишком далеко. Хотела уколоть — а в итоге вогнала кинжал по самую рукоять.

Сайрен замер так, будто только что услышал приговор.

Или вынес его мне.

Это с виду Сайрен притворялся приличным мужем, но он был таким же, как все мои мужчины прежде. Себялюбивый идиот, возомнивший себя центром вселенной!

Я рванулась, выдернув руку из его железной хватки, и пошла быстро, почти бегом, подхватив юбку, чтобы не запутаться в подоле. Не посмеет же он что-то сделать со мной прямо в храме.

Шаги гулко отдавались под сводами храма, и вслед снова звенел его голос:

— Кто он, Виана?! Стой.

Стой. Да чтоб ты... Стой сам, драконья морда.

Слёзы подступили неожиданно, горячие, щиплющие, и я тут же попыталась их проглотить. Но внутри уже всё тряслось. Не от страха перед ним — хотя и он тоже был, — а от того, что всё повторяется.

Тот же взгляд сверху вниз.

Тот же тон: я решаю, а ты молчи. Тот же проклятый издевательский тон.

Я снова никто. Здесь, в этом чужом мире, я никто. И там,

в моём настоящем... или уже бывшем, я тоже, по сути, была никто. Ни нормального дома, ни человека, который видел бы во мне что-то, кроме весьма удобной прислуги.

Почему каждый раз, когда я пытаюсь сгладить углы — всё выходит ещё хуже? И мои попытки оставаться на хорошей стороне неизменно оканчиваются провалом. Пытаться сохранить спокойствие рядом с этим драконом было всё равно, что дразнить быка красной тряпкой. Чем сдержаннее я пыталась быть, тем больше он выходил из себя.

Закончилось закономерно — его истинная суть проявила себя!

Я почти споткнулась, но выровнялась и побежала быстрее. По пути оттолкнула какого-то растерянного мальчишку-слугу, чей поднос жалобно звякнул.

Не оборачиваться. Не останавливаться.

На лестнице стало тише, только каблуки стучали по камню. Я хотела вниз — но внизу уже виднелись двое стражников, которые наверняка меня остановят, потому что в храме не положено нарушать покой.

Я развернулась и понеслась вверх. Узкая винтовая лестница крутилась так, что закладывало уши, воздух становился всё холоднее, и сердце билось где-то в горле. Пару раз пришлось схватиться за стену, чтобы не упасть.

Наконец ступени вывели меня под открытое небо. Я выскочила на крышу храма — и меня сразу обдало ледяным ветром. Внизу шумел город, вдалеке блестела река. Я оста-

нови́лась, обхвати́в себя́ за плечи́, и вдруг поняла, что дышу, как после́ долго́го за́плыва. И что плачу́ — уже́ откры́то, без всяко́й попы́тки сде́жаться.

Где-то вни́зу, в каменны́х недрах, за мной́ следуе́т “муж”, уже́ почти́ бывши́й. И я чувствовале́ — э́тот драко́н не оста́вит до́бычу, пока́ не насти́гнет.

Но вы́йдя наверх, я поняла, что поторопи́лась — скры́ться здесь́ было́ негде. Повсю́ду то́лько откры́тое про́странство, и когда́ позади́ раздали́сь ша́ги, я вздро́гнула и о́бернула́сь.

Ну конечно́.

Сайрен подня́лся с тяжё́лым взгля́дом, кото́рый не предвещал́ ниче́го хоро́шего. Бо́же, как я устала́ притво́ряться́ той, кем́ должна́ была́ бы́ бы́ть в э́том ми́ре.

Мо́жет, пора́ во всё́м созна́ться?..

Я уже́ откры́ла́ было́ рот, что́бы сказа́ть, что́ ника́кая я не Виана́, но взгля́д Сай́рена при́гвозди́л к ме́сту.

— Знае́шь, е́сли бы́ ты не сбе́жала, я бы́ ещё́ подумал, что́ мне́ чуде́тся. Что́ ты, Виана́ эн Фирд, ни́когда́ бы́ не пала́ так ни́зко, что́бы изме́нять за́ мое́й спи́ной — э́то ве́дь не в твои́х пра́вилах, ве́рно? И я оши́бался.

— Сай́рен, послу́шай, — я нача́ла гово́рить, но он при́бли́зился́ так, что́ мне́ при́шлось сде́лать ша́г наза́д, пото́м ещё́ о́дин, и я уже́ не на шу́тку испугале́сь его́ ви́да.

— Не́т, э́то ты ме́ня послу́шай, — желва́ки на его́ лице́ игра́ли, конечно́, не́вероятно́ вы́разите́льно. — Ты сбе́жала, и мне́ не ну́жно бо́льше слу́шать твои́х о́правда́ний. Значи́т,

это правда.

— Может, я сбежала потому, что ты — непробиваемый мужлан! — выдохнула я устало, и только потом поняла, что сказала это не Сайрену, а своему бывшему, Марку. — И был им все эти годы.

Эхо моих слов подхватил ветер и унесло вниз, к реке. Я сжала ладони до боли — пальцы дрожали. Сайрен резко остановился. Он смотрел на меня так, будто я ударила его в самое сердце.

— "Все эти годы?" — тихо повторил он, опустив голову. — Значит, Виана, всё это время... для тебя я был лишь стеною, тупой и непонимающей?

Он шагнул ближе, и я отступила к самому краю крыши — и только страх сорваться удержал меня на месте.

— Ты думаешь, я ничего не понимаю? — его голос стал ниже, тяжелее. — Я слышал каждое твоё молчание. Каждую ночь, когда ты отворачивалась. Каждый взгляд, в котором я видел, что твоё сердце не со мной.

Я попыталась ответить, но слова застряли в горле. Горячие слёзы смешались с ледяным ветром. Сайрен не мой бывший, он другой, и я это ясно видела.

Но что было возразить кроме того, что я — это не я? И что будет, если я сейчас признаюсь: вдруг это станет для него прекрасным поводом завершить мучительный союз, чтобы потом сказать: это был несчастный случай.

“И только графиня Лефер теперь сможет меня утешить!..”

Пока я подбирала слова, Сайрен как-то тяжело и... необратимо вздохнул.

— И знаешь что? — он шагнул ещё ближе. — Я бы предпочёл, чтобы ты закричала. Чтобы ты ударила. Чтобы прижалась хоть в чём-то! Но ты всегда выбираешь молчать, лгать или бежать.

Я вспомнила то, какая боль была в его глазах, когда он просил отпустить его в зале суда, и сердце моё поддавалось этому глубокому чувству.

Но вот одна беда: тело подводило.

И не в том смысле, в котором обычно предают тела в женских романах!

Вместо того, чтобы поддаться напору властного мужчины, сдаться ему на милость и остаться в объятиях, мое чужое тело пронзила вспышка воспоминаний, и с языка сорвались чужие слова:

— А ты... ты даже сейчас не видишь во мне человека, только обязанность!

Миг откровенности и возможной близости рассыпался на осколки. И разговор встал явно на уже изъезженные рельсы, заставляя повторять чужие ошибки.

— Человека?! — вдруг улыбнулся Сайрен, и эхо гулко ударилось о каменные плиты. Его голос стал хриплым, чужим, и у меня внутри всё оборвалось. — Смею напомнить, в тебе тоже течёт кровь драконов, которой всё меньше, хоть ты и не можешь обращаться. И ты — моя жена, Виана! Или

мне напомнить, что клятвы не дают просто так? Что клятвы Пламени не разрываются, как твои капризные настроения?

Я отступила ещё на шаг, и сердце заколотилось где-то в горле. Я была уверена, что за спиной — надёжное каменное ограждение, как в моём мире. Но здесь, в мире драконов, крыши были... плоскими и открытыми.

Чтобы с них, очевидно, было легко взлететь.

Но у меня не было крыльев.

“...в тебе тоже течет кровь драконов, хоть ты не можешь обращаться...”

Мой каблук соскользнул по влажной черепице.

— Сайрен... — выдохнула я едва слышно, но уже было поздно.

Воздух сорвался из-под ног, небо перевернулось, и крик застрял в груди, потому что я полетела спиной вниз прямо навстречу земле.

В последний миг я успела увидеть, как он застыл, а потом дёрнулся вперёд, и лицо его исказилось ужасом.

Я закрыла глаза. Ну и пусть! Всё равно это не моя жизнь! Чужая, случайная, в которую меня занесло как соринку в бурю. Я не справилась. Не смогла. И, может быть, наконец всё это кончится.

Холодный воздух разрывал платье, бил в лицо, уши заложило от стремительного падения. Сердце, кажется, пропустило удар, а потом ещё — и застыло, как сломанный меха-

низм. Тишина. Пустота.

И вдруг — *тук*. Одинокий, отчётливый удар, нечеловеческий.

Тук...ещё медленнее, тяжелее, будто само сердце менялось внутри груди.

Тук...

Воздух перестал быть врагом. Вместо падения я ощутила, как тело тянет в стороны, изгибает, заставляет выгнуться и — расправиться.

Я вдохнула так резко, словно впервые дышала по-настоящему, и вместе с этим дыханием распахнулись они. Огромные, чужие и одновременно мои — крылья.

Ткань платья треснула по швам, ветер наполнил развернувшиеся перепонки, и падение сменилось рывком вверх. Потоки воздуха были упругими, будто я врезалась в них всем телом, а они подхватили и вынесли меня обратно в небо.

Я летела!

Стремительное падение превратилось в такой же стремительный полёт. Я почувствовала, как воздух сам подхватывает меня, и пронзила его, как стрела, — легко, свободно, с силой, о которой раньше и мечтать не смела.

Подо мной стремительно проносились крыши, потом стены, окраины города, и вот уже чёрная полоса леса, и дальше — тёмные горы, острые, как кости чудовища. Всё это мелькало внизу, а я мчалась выше и выше, и ветер свистел в ушах так, что хотелось закричать в ответ.

Неожиданная, безумная мощь захватила меня целиком — и в груди разлился такой восторг, что я едва не закричала вслух, но у меня больше не было моего горла — только драконья пасть, в которой тихо жёгся огонь.

Вот она — жизнь. Настоящая. Сумасшедшая! В каждом ударе крыльев, в каждом рывке ветра лёгкие наполнялись небом.

Спасибо, Господи! Это прекрасно.

Я мчалась молнией, и восторг рвал изнутри — хотелось смеяться, кричать, петь, но вдруг мысль проггла радость и пробилась до моего сознания: а он?.. Сайрен, мой муж, он ведь тоже дракон. Конечно же, он не оставит меня и должен был рвануть следом.

И я резко дёрнулась, делая оборот вокруг своей оси, желая оглянуться, но ещё плохо понимая, как управлять этим странным огромным телом.

Крылья развернулись неловко, слишком широко, поток воздуха ударил сбоку, и я потеряла контроль. Мир закувыркался, земля и небо поменялись местами, и в груди сдавил смертельно сердце тот самый дикий, обжигающий страх падения, который мне часто снился ночами, когда я знала, что упаду и умру.

— Нет!.. — сорвалось с губ, но крылья не слушались.

Я рухнула вниз, срываясь сквозь холодный воздух, и едва успела заметить под собой огни — узкий серпантин, факелы, карета, медленно тянущаяся по дороге.

Удар.

Я влетела прямо сверху, ломая крышу кареты, как картонную, слыша крики и звон рвущегося металла, и боль пронзила всё тело, когда меня впечатало внутрь.

Боль гудела в теле, как в расколотом колоколе. Я едва могла пошевелиться — только пальцами по осколкам дерева, по железным обломкам, что ещё недавно были каретой. Я пыталась отползти, но каждая попытка отдавалась таким скрежетом костей, будто они тоже треснули вместе с повозкой.

На миг я даже не поняла — жива ли. Нет, после такого удара никто не выживает. Никто. Воздух вышибло, грудь сжало, и я, зажмурившись, ждала темноты.

И вдруг в этом гуле послышался другой звук — низкий, вибрирующий, будто кто-то разрезал воздух голосом:
— Осторожнее...

Я замерла, не понимая — живой ли это человек или мой умирающий бред. Сквозь пелену боли я уловила тень, и эта тень сгустилась в фигуру. Сначала перед глазами заалела вспышка рыжего пламени. Потом проступил силуэт, чёткий и невозможный, весь в белом, как ангел, и с гривой кудрявых, горящих на солнце волос.

Мужчина замер надо мной. Непостижимым образом невредимый — словно сама карета сложилась вокруг него, не посмея задеть. Его глаза смотрели прямо на меня — и я внезапно осознала, что тело меняется. Крылья сломались и исчезли, кожа горела, — и через туманное мгновение я ле-

жала на камнях человеком. Совсем человеком.

И совершенно голая.

Глава 10. Слишком красивая катастрофа

Я шагнул ближе, и первое, что подумал: “Ну уж нет, так обычно не падают”. Конечно, иногда девушки бросались мне на шею и к карете, но это – было слишком. Слишком красиво для катастрофы.

В памяти всплыл голос приятеля со вчерашней встречи: “Златан, всё ждёшь, что твоя суженая прямо с небес на тебя упадёт?”. Я рассмеялся и ответил, что судьба вряд ли станет устраивать подобный спектакль ради меня.

Ну что ж, выходит, я её недооценил. Устроила. Да ещё так быстро!

Передо мной лежала хорошо знакомая всем в нашем обществе женщина: бледная, разбитая, с обрывками ткани, не прикрывающими тело. Глаза её были распахнуты, но взгляд дрожал на границе сознания и боли.

Я быстро сорвал с плеч плащ и набросил на неё, закрывая наготу. Прикоснулся осторожно, пальцами проверяя ключицы, плечо, рёбра — кости целы? Дышит. Даже слишком часто.

— Поздравляю, герцогиня, вы — чудо из чудес, — пробормотал я. — Карету разнесли в хлам, а сами даже кость не сломали. Это талант.

Она дёрнулась, вцепилась в плащ, словно боялась, что я его отберу. Я поймал её взгляд — и застрял в нём. Светло-карие глаза, мутные от боли, но глубина никуда не делась. Лицо тонкое, губы прикушены до крови.

Я почти не успел разглядеть её в ипостаси дракона, и что-то смутно знакомое в этом облике маячило в памяти. Этот золотистый отблеск на кончиках крыльев...

Но говорили, что никто и никогда не видел её в этом облике прежде, и в этом скрывалась интересная загадка. Я наклонился ближе, улыбнувшись почти заговорщицки:

— Скажите честно, ваша светлость, у вас случайно не водятся... особенные родственники с крыльями? Потому что то, что я краем глаза заметил в небе, было очень уж... знакомо.

Я видел её раньше — на балах, в зале с музыкой и факелами, где всё внимание было приковано к её мужу, но глаза всё равно цеплялись за неё. Тогда она казалась яркой, как звезда, упрямой и гордой, будто сама бросала вызов залу. А сейчас — вот. Распластавшаяся на камнях, в моём плаще, живая, хрупкая и совсем не звёздная.

Она моргнула, словно выныривала из густого тумана.

— Я... не... — губы дрогнули. — Не помню...

Я прищурился.

— О, вот это уже хуже, — протянул я, покачав головой. — Ладно, пусть будет так. Но уверяю вас, герцогиня, я видел много падений, и ваше — очень эффектное.

Я поднялся, протягивая ей руку — почти как на балу, но вместо танца лишь помогал выбраться из кучи обломков.

— Пойдёмте, приведём вас в чувство. Иначе слуги решат, что я похитил жену герцога прямо с неба, а моя репутация и так не без изъянов.

Я укрыл её плащом плотнее и осторожно повёл к карете сопровождения, что ждала на обочине. Помог усадить внутрь — и лишь когда дверь закрылась, понял, насколько странно это всё выглядит: герцогиня эн Фирд, едва живая, полуголая, в моём плаще и в моей карете.

Колёса тронулись, и я невольно взглянул на неё. Она сидела тихо, откинувшись к спинке, и выглядела так, словно готова раствориться в полумраке, лишь бы её не трогали. Только на виске, чуть выше линии бровей, алела тонкая ссадина, и по щеке тянулась засохшая полоска крови. Ничего смертельного — но неприятно, и, чёрт побери, хотелось протянуть руку и стереть её самому.

Я перевёл дыхание и усмехнулся про себя. Весь свет уже судачит об их разводе, и теперь ещё я. Прекрасно. Скандал обеспечен.

Хотя, признаться, мне даже льстит. Если уж меня собираются впутать в чужие семейные драмы — пусть хотя бы говорят, что я умыкнул самую упрямую и красивую женщину столицы.

Может, и не стоит сразу сообщать герцогу эн Фирду. Если она скрывается — лучше сперва понять, почему. Иначе выйдет, что я сам вернул в руки мужа супругу, которая явно бежала от него. А мне, честно сказать, ужасно любопытно,

что за история стоит за этим падением с небес.

— Потерпите немного, ваша светлость, — сказал я вслух, стараясь звучать легко. — Доедем до моего дома, и там уже решим: вам в первую очередь нужен лекарь или просто что-нибудь согревающее или успокаивающее.

Она чуть кивнула, не поднимая глаз, и я заметил, как её пальцы вцепились в край плаща. Слишком крепко, будто она боялась, что я сейчас сорву с неё последнюю защиту.

Потеряла память, значит... — я прищурился, глядя на её профиль. Слишком ровно отвечает, слишком ловко прячет взгляд, чтобы это было правдой. Но в то же время — есть в её голосе такая усталость и растерянность, что на миг я усомнился. А вдруг правда?

Виана вышла из кареты, споткнулась и остановилась. Дом, куда я её привёз, явно разительно отличался от герцогских хором. Каменное здание на краю квартала возвышалось над соседями, а вверху сияли широкие окна — настоящие стены из стекла, через которые открывался панорамный вид на город и реку.

— Добро пожаловать в мой скромный уголок, — я сделал театральный жест рукой, когда мы вошли внутрь.

У меня было вовсе не так, как в особняках знати, и было интересно, как она это воспримет. Вместо тяжёлых портьер — светлые ткани, вместо золочёной лепнины — металлические конструкции, шестерни и модели драконьих крыльев,

развешанные прямо на стенах.

Я всегда слыл чудаком, и не без оснований. Пока другие коллекционировали картины и вина, я коллекционировал свои идеи — чаще всего совершенно безумные.

— Ваша светлость? — в дверях показалась моя старенькая служанка, сухонькая, но уже такая близкая, как родная мать. — Я могу приготовить гостевую комнату...

— Нет, просто отведи туда нашу гостью, выберете платье, нужно помочь госпоже после одного неприятного инцидента, — кивнул я. — И надо обработать ссадину, чтобы не кровила.

Виана последовала за ней по уходящей полукругом лестнице на второй этаж. Я ладонью сгрёб в кучу рыжие кудри и пригладил их назад, но они упрямо разлетелись снова. Усмехнулся: ну и пусть, порядок никогда не был моим стилем.

Через несколько минут я услышал её голос — чуть удивлённый, с тем оттенком, который мне всегда нравился в женщинах: когда им не ясно, смеяться или возмущаться.

— Женские платья? Шёлковые халаты?

Я усмехнулся и поднялся следом, чтобы хоть мельком взглянуть на её реакцию. В конце концов, я видел её уже в куда более вызывающем виде.

Виана стояла у распахнутого шкафа, и свет солнца ложился на её лицо, мягко подчеркивая бровь, выразительно изогнутую в мой адрес.

На лбу — свежая, аккуратная повязка: значит, Марта (чудо, а не женщина) уже успела всё сделать. И, странное дело, повязка не портила её — наоборот, делала ещё более живой, настоящей, вразрез с привычным идеальным образом герцогини.

— Скажите честно, — произнесла она, скрестив руки на груди, — вы всегда держите у себя женский гардероб на случай внезапных гостей женского пола?

— Никогда не знаешь, что может пригодиться, — ответил я спокойно, опершись на дверной косяк.

— Да уж, — она качнула головой, тронув пальцами лёгкий бирюзовый халат, который сиял в сумерках так, словно был соткан из самой воды. — Для замужней дамы это выглядит... слишком.

— А для сбежавшей замужней дамы? — уточнил я с самой невинной интонацией, хотя уголки губ предательски дёрнулись.

Её взгляд скользнул по мне — там промелькнула и угроза, и смешинка.

— Ещё более неприлично!

— Я думаю, куда менее неприлично, чем остаться в том виде, в котором вы упали на меня с небес, ваша светлость.

Гнев герцогини смешался со стыдом так причудливо, что я даже залюбовался её алеющими щеками. Интересно, всегда ли она так легко краснеет?..

В конце концов, я нехотя оставил её со служанкой наеди-

не, чтобы не приводить в окончательное смущение.

Когда она спустилась вниз, я едва сдержал улыбку. Виа-на выбрала самый скромный из всех возможных халатов — длинный, серо-голубой, без кружева, но даже в нём выглядела так, будто вышла из портрета. Волосы падали волной на плечи, босые ступни скользили по ковру — и в этой простоте было куда больше откровенности, чем в любом из её парадных платьев.

— Присаживайтесь, вам надо прийти в себя, — я подвёл её к длинному столу у окна, где вместо привычных для знати серебряных приборов стояли простые керамические тарелки, пара бокалов и тарелка с хлебом и сыром. — Как вы себя чувствуете? Кажется, звать лекаря... или кого-либо ещё... нет смысла?

Герцогиня эн Фирд, затруднившись ответить сразу про “кого-то ещё”, неопределенно кивнула и осторожно потрогала лоб.

Обстановка у меня всегда была... ну, без претензий: книги в стопках прямо на полу, схемы, разложенные вперемешку с яблоками, и панорамный вид на город, который я любил куда больше, чем любые гобелены.

Она села осторожно, словно боялась уронить несуществующую корону. Но после первого глотка тёплого вина и маленького кусочка сыра её плечи чуть опустились, и в лице проступила женщина — не герцогиня, не жена военного, а просто усталая, но красивая. И когда уголки её губ дрогну-

ли в улыбке, в ней мелькнула лёгкость, как будто на миг она забыла, где находится и кем её привыкли считать.

— Никогда прежде не видел вас в облике дракона, — заметил я, усаживаясь напротив и чуть откинувшись на спинку кресла. Карандаш сам оказался в моих пальцах — привычка, с которой я обычно обдумывал планы и сметы. Я машинально повертел его, потом вспомнил, что передо мной не казначей, а гостья, и убрал лишнюю фамильярность, принимая более достойный моего положения вид.

— Я тоже, — отозвалась герцогиня отчего-то слишком задушно, и сверкнули шальным весельем её глаза, словно она и сама до конца не верила в то, что с ней произошло. — Не поверите, но я тоже!

— Простите, если лезу не в своё дело.

— Боюсь, ничем не смогу вам помочь, эн...

Она нахмурилась, словно пыталась вспомнить мое имя.

— Златан эн Керр, к вашим услугам, — склонил голову я, следя, не выдаст ли герцогиня то, что наверняка меня уже знает. — Изобретатель, торговец, благодетель и... к несчастью, ещё и красавчик.

Впервые со времени падения она рассмеялась. Настоящим, живым смехом — с отблеском в глазах и лёгкой хрипотцой, которая делала её голос теплее.

Но я не сводил с неё глаз, подмечая: в её движениях было что-то чудное. Слишком лёгкое, как будто тело само ещё не

привыкло к себе.

Но в тот миг, когда разговор только начал приятно согреть кровь, дом содрогнулся от осязаемого гула и ударной волны воздуха. Окна задрезбуждали, за ними слишком близко пролетела тень с крыльями, заслонившими пол-неба.

Виана оглянулась и побледнела, вцепилась в бокал так, что пальцы побелели.

— Что это?

— Кхм... Не наблюдали раньше? Кто-то из приближенных к его величеству решил размять крылья, и...

Виана, изящно изогнувшись, продолжала напряженно смотреть в окно, и, кажется, я уловил ход её размышлений.

— ...И кажется, мы оба его знаем.

Мы не успели ни словом обменяться, как спустя несколько мгновений побледневший слуга распахнул входную дверь и посторонился. На порог ступил он — герцог Сайрен эн Фирд собственной персоной. Волосы генерала были спутаны ветром, грудь тяжело вздымалась, и из всей одежды после скоростного обращения в человека на нём красовались лишь тонкие тёмные брюки с широким поясом.

Я медленно поднялся из-за стола и взглянул на герцога, взгляд которого, разумеется, нехорошо скользнул и по мне, и по своей фривольно одетой супруге.

— Добро пожаловать, ваша светлость. Я уж было подумал, что вы тоже решите приземлиться прямо на крышу моего дома. — Перевёл взгляд на его откровенно походный вид с

ремнём на поясе для запасной одежды. Военный, конечно. Всегда готов к бою, даже к такому. Я добавил с самой вежливой усмешкой: — Признаюсь, я искренне рад, что вы зашли хотя бы в брюках. Поверьте, это очень украшает нашу встречу.

Глава 11. Всю правду

Сайрен

Златан эн Керр. Конечно. Из всех мужчин столицы она выбрала именно его. Самого скандального, самого обсуждаемого — бабника, у которого каждая новая женщина превращалась в очередную жертву скучающего аристократа. И вдобавок — ещё одного кандидата на престол после моего брата.

Да, у него был ум, и завидный. Изобретатель, он умел удивлять, и этим заслуживал уважение. Но с женщинами обращался так, будто собирал коллекцию редких кубков:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.